Пасхальные сказки и рассказы

Рады представить нашим читателям подборку из разных источников, посвященную Воскресению Христову и светлому празднику Пасхе.

СКАЗКИ

1. Красношейка (Сельма Лагерлёф)
2. Мальчик и синичка
3. Сказка про цыпленка (Ольга Максимова)
4. Пасхальное яичко
5. Сказка про пасхального кролика (Мария Шкурина)
6. Пасхальная сказка про волка
7. Подснежник и божья коровка (Валентина Ануфриева)
8. Помощник пекаря (Ирина Рогалёва)

РАССКАЗЫ

1. Чукчин замок (Игнатий Потапенко)
2. Царские писанки (Е.Н. Опочинин)
3. Яичко (Николай Вагнер)
4. Звонарь (Степан Кондурушкин)
5. Пасхальная фиалка

Красношейка

Случилось это в первые дни творения, когда Бог создавал небо и землю, растения и животных и всем им давал имена.

Если бы мы больше знали о том времени, то лучше бы понимали Божий промысел и многое из того, чего теперь не можем понять...

Итак, однажды Господь Бог сидел в раю и раскрашивал птиц. Когда подошла очередь щегленка, краски закончились, и мог он остаться совсем бесцветной птичкой. Но кисти еще не высохли. Тогда Господь взял все свои кисти и вытер их о перья щегленка. Вот почему щеглёнок такой пестрый!

Тогда же и осел получил свои длинные уши — за то, что никак не мог запомнить своего имени. Он забывал его, как только делал несколько шагов по райским лугам, и три раза возвращался и переспрашивал, как его зовут. Наконец Господь Бог, потеряв терпенье, взял его за уши и несколько раз повторил:

— Осел твое имя. Запомни: осел, осел!

И, говоря это, Бог слегка тянул и тянул осла за уши, чтобы тот лучше расслышал и запомнил свое имя.

В тот же день была наказана и пчела. Как только Бог создал пчелу, она сразу полетела собирать нектар. Животные и первые люди, услышав сладкий запах меда, решили его попробовать. Но пчела ни с кем не хотела делиться и стала отгонять всех от своего улья, пуская в ход ядовитое жало. Господь Бог увидел это, позвал к себе пчелу и сказал ей так:

— Ты получила от меня редкий дар: собирать мед — самую сладкую вещь на свете. Но я не давал тебе права быть такой жадной и злой к своим ближним. Запомни же! Отныне, как только ты ужалишь кого-нибудь, кто захочет отведать твоего меда, ты умрешь!

Много чудес произошло в тот день по воле великого и милосердного Господа Бога. А перед самым закатом Господь создал маленькую серую птичку.

— Помни, что твое имя красношейка! — сказал Господь птичке, сажая ее на ладонь и отпуская.

Птичка полетала кругом, полюбовалась прекрасной землей, на которой ей суждено было жить, и ей захотелось взглянуть и на себя. Тогда она увидела, что вся она серенькая и что шейка у нее тоже серая. Красношейка вертелась во все стороны и все смотрела на свое отражение в воде, но не могла найти у себя ни одного красного перышка.

Птичка полетела обратно к Господу.

Господь сидел, милостивый и кроткий. Из рук его вылетали бабочки и порхали вокруг Его головы. Голуби ворковали у Него на плечах, а у ног Его распускались розы, лилии и маргаритки.

У маленькой птички сильно билось от страха сердечко, но, описывая в воздухе легкие круги, она все-таки подлетала все ближе и ближе к Господу и, наконец, опустилась на Его руку.

Тогда Господь спросил, зачем она вернулась.

— Я только хотела спросить у тебя об одной вещи, — отвечала птичка.

— Что же ты хочешь знать? — сказал Господь.

— Почему я должна называться красношейкой, когда я вся серая от клюва и до кончика хвоста? Почему мое имя красношейка, когда у меня нет ни одного красного перышка?

Птичка умоляюще взглянула на Господа своими черными глазками и затем повернула головку. Она увидела вокруг себя огненных, с золотистым отблеском фазанов, попугаев с пышными красными ожерельями, петухов с красными гребешками, не говоря уже о пестрых бабочках, золотых рыбках и алых розах. И она подумала, что ей хватило бы одной красной капельки на шейку, чтоб она сделалась красивой птичкой и по праву носила свое имя.

— Почему я называюсь красношейкой, если я вся серая? — снова спросила она, ожидая, что Господь ей скажет: «Ах, дорогая! Я забыл окрасить перышки на твоей шейке в красный цвет. Подожди минутку, сейчас Я все исправлю».

Но Господь только тихо улыбнулся и сказал:

— Я назвал тебя красношейкой, и ты всегда будешь носить это имя. Но ты сама должна заслужить красные перышки на своей шейке.

И Господь поднял руку и снова пустил птичку летать по белому свету.

Красношейка полетела по раю, глубоко задумавшись. Что может сделать такая маленькая птичка, как она, чтобы добыть себе красные перышки?

И придумала только одно: свить себе гнездо в кусте шиповника. Она поселилась среди шипов, в самой середине куста. Она, казалось, надеялась, что когда-нибудь лепесток цветка пристанет к ее горлышку и передаст ему свой цвет.

Бесконечное множество лет протекло с того дня, который был самым счастливым днем вселенной.

Давно животные и люди покинули рай и разошлись по всей земле. Люди научились возделывать землю и плавать по морям, построили величественные храмы и такие огромные города, как Фивы, Рим, Иерусалим.

И вот наступил день, которому тоже суждено было на вечные времена оставить о себе память в истории человечества. Утром этого дня красношейка сидела на невысоком холмике за стенами Иерусалима в своем гнездышке, спрятанном в самой середине куста диких роз.

Она рассказывала своим детям о чудесном дне творения и о том, как Господь давал всем имена. Эту историю рассказывала своим птенцам каждая красношейка, начиная с самой первой, которая слышала слово Божие и вылетела из Его руки.

— И вот видите, — печально закончила красношейка, — сколько прошло лет с того дня, сколько распустилось роз, сколько птенчиков вылетело из гнезда, а красношейка так и осталась маленькой, серенькой птичкой. Все еще не удалось ей заслужить себе красные перышки.

Малютки широко раскрыли свои клювы и спросили: неужели их предки не старались совершить какой-нибудь подвиг, чтобы добыть эти бесценные красные перышки?

— Мы все делали, что могли, — сказала мать, — и все терпели неудачу. Самая первая красношейка, встретив другую птичку, свою пару, полюбила так сильно, что ощутила огонь в груди. «Ах, — подумала она, — теперь я понимаю: Господу угодно, чтобы мы любили друг друга горячо-горячо, и тогда пламя любви, живущей в нашем сердце, окрасит наши перья в красный цвет». Но она осталась без красных перышек, как и все другие после нее, как останетесь без них и вы.

Птенчики грустно защебетали, они начали уже горевать, что красным перышкам не суждено украсить их шейки и пушистые грудки.

— Мы надеялись и на то, что наше пение окрасит красным наши перышки, — продолжала мать-красношейка. — Уже самая первая красношейка пела так чудесно, что грудь у нее трепетала от вдохновения и восторга, и в ней опять родилась надежда. «Ах, — думала она, — огонь и пылкость моей души — вот что окрасит в красный цвет мою грудь и шейку». Но она снова ошиблась, как и все другие после нее, как суждено ошибаться и вам.

Снова послышался печальный писк огорченных птенцов.

— Мы надеялись также на наше мужество и храбрость, — продолжала птичка. — Уже самая первая красношейка храбро сражалась с другими птицами, и грудь ее пламенела воинской отвагой. «Ах, — думала она, — мои перышки окрасят в красный цвет жар битвы и жажда победы, пламенеющая в моем сердце». Но ее опять постигло разочарование, как и всех других после нее, как будете разочарованы и вы.

Птенчики отважно пищали, что они тоже попытаются заслужить красные перышки, но мать с грустью отвечала им, что это невозможно. На что им надеяться, если все их замечательные предки не достигли цели? Что они могут, когда...

Птичка остановилась на полуслове, потому что из ворот Иерусалима вышла многолюдная процессия, направлявшаяся к холму, где в гуще шиповника пряталось гнездышко красношейки.

Тут были всадники на гордых конях, воины с длинными копьями, палачи с гвоздями и молотками; тут важно шествовали священники и судьи, шли горько плачущие женщины и множество отвратительно завывавших уличных бродяг.

Маленькая серая птичка сидела, дрожа всем телом, на краю своего гнезда. Она боялась, что толпа растопчет куст шиповника и уничтожит ее птенчиков.

— Берегитесь, — говорила она беззащитным малюткам. — Прижмитесь друг к другу и молчите! Вот прямо на нас идет лошадь! Вот приближается воин в подбитых железом сандалиях! Вот вся эта дикая толпа несется на нас!

И вдруг птичка умолкла и притихла. Она словно забыла об опасности, которая угрожала ей и ее птенцам.

Внезапно она слетела к ним в гнездо и прикрыла птенцов своими крыльями.

— Нет, это слишком ужасно, — сказала она. — Я не хочу, чтобы вы это видели. Они будут распинать трех разбойников.

И она шире распахнула крылья, загораживая своих птенцов. Но до них все же доносились гулкие удары молотков, жалобные вопли казнимых и дикие крики толпы.

Красношейка следила за всем происходившим, и глазки ее расширялись от ужаса. Она не могла оторвать взгляда от трех несчастных.

— До чего жестоки люди! — сказала птичка своим детям. — Мало того, что они пригвоздили этих страдальцев к кресту. Одному из них они надели на голову венец из колючего терновника. Я вижу, что терновые иглы изранили Ему лоб и по лицу Его течет кровь. А между тем этот Человек так прекрасен, взор Его так кроток, что Его нельзя не любить. Точно стрела пронзает мне сердце, когда я смотрю на Его мучения.

И жалость к Распятому все сильнее заполняла сердце красношейки. «Была бы я орлом, — думала она, — я вырвала бы гвозди из рук этого Страдальца и своими крепкими когтями отогнала бы прочь Его мучителей».

Красношейка видела кровь на лице Распятого и не могла больше усидеть в своем гнезде.

«Хотя я и мала, и силы мои ничтожны, я должна что-нибудь сделать для этого несчастного», — подумала красношейка. И она выпорхнула из гнезда и взлетела вверх, описывая в воздухе широкие круги над головой Распятого.

Она кружилась некоторое время над ним, не решаясь подлететь ближе, — ведь она была робкая маленькая птичка, никогда не приближавшаяся к человеку. Но мало-помалу она набралась храбрости, подлетела прямо к Страдальцу и вырвала клювом один из шипов, вонзившихся в Его чело.

В это мгновение на ее шейку упала капля крови Распятого. Она быстро растеклась и окрасила собой все нежные перышки на шейке и грудке птички.

Распятый открыл глаза и шепнул красношейке: «В награду за твое милосердие ты получила то, о чем мечтал весь твой род с самого дня творения мира».

Как только птичка вернулась в свое гнездо, птенчики закричали:

— Мама! У тебя шейка красная и перышки на твоей груди краснее розы!

— Это только капля крови с чела бедного Страдальца, — сказала птичка. — Она исчезнет, как только я выкупаюсь в ручье.

Но сколько ни купалась птичка, красный цвет не исчезал с ее шейки, а когда ее птенчики выросли, красный, как кровь, цвет засверкал и на их перышках, как сверкает он и поныне на горлышке и грудке всякой красношейки.

Мальчик и синичка

Жил — был на свете один добрый и хороший мальчик. Он был сирота и жил у старенькой бабушки, которая никогда не обманывала, не воровала и не делала плохого и дурного людям. Она была просто доброй бабушкой.

Они жили бедно, и им едва хватало на еду.

Однажды, в одну субботу, в канун Светлого Христова Воскресенья, он сидел у окна и смотрел на улицу.

После холодной и белой зимы наступила теплая весна.

Он увидел, как знакомая синичка, которую он подкармливал холодной и лютой зимой, присела на подоконник и весело завертелась. Она уже привыкла прилетать сюда и ждать еду.

— Сии–сии, — мелодично просвистела синичка.

Мальчик обрадовался ей и, открыв окно, насыпал немного крошек. Она сразу же быстро стала клевать их, благодарно посматривая на него черными блестящими глазками.

— Ну вот, — сказал мальчик, — завтра Праздник, а у нас в доме ничего нет… — и тихонько вздохнул.

Синичка защелкала клювом, что-то говоря на своем птичьем языке, немного еще покрутилась и улетела.

— Ничего, внучек, не беспокойся, — сказала бабушка, — Бог даст.

А синичка, наклевавшись крошек, летела и думала:

«Какой хороший мальчик! Он помог мне зимой, когда мне было трудно и голодно. Надо и мне помочь ему и его бабушке»

И полетела синичка к курочке.

— Здравствуй, курочка-сестричка!

— Здравствуй, синичка-сестричка!

— Курочка, дай мне яичек, — попросила синичка

— Зачем тебе, синичка-сестричка?

— Хороший мальчик и его добрая бабушка, которые кормили меня холодной и лютой зимой, ничего не имеют к Светлому Христову Воскресенью, — ответила птичка.

— Бери, сколько хочешь, сестричка! – сказала курочка.

И тут же огорченно добавила:

— Только вот, все они у меня беленькие, и нет красок, чтобы расписать их.

— Что же делать? – тоже огорчилась синичка.

Они задумались.

Но тут к ним подошел муж курочки-сестрички – красавец-петух.

— Ку-ка-ре-ку! – громко прокричал он, сильно замахал крыльями и щелкнул шпорами.

— О чем задумались, сестрички? – спросил он.

— Вот синичке надо достать краски, а мы не знаем где, — ответила курочка.

— Эх вы! – гордо сказал петушок. – Все краски можно достать у радуги.

И тут же добавил:

— Я для своего хвоста именно там и брал.

И он с гордостью прошелся перед ними, демонстрируя свой яркий разноцветный хвост.

— Правда, — обрадовалась курочка, — лети-ка ты, сестричка-синичка, к радуге.

У самой курочки не было такого красивого хвоста, поэтому она и не знала, где достать краски.

Полетела синичка к радуге.

— Здравствуй радуга!

— Здравствуй, синичка!

— Помоги мне! Дай мне краски для того, чтобы можно было расписать яички, которые дает курочка-сестричка для хорошего мальчика и его доброй бабушки, которые кормили меня холодной и лютой зимой, — ответила птичка. — А то у них к Светлому Христову Воскресенью ничего нет.

— Ой! – опечалилась радуга. – Я бы с радостью дала тебе красок, но у меня сейчас их нет. Краски появятся у меня только летом, когда будет дождик и будет много цветов. А сейчас только закончилась зима.

Синичка тоже опечалилась.

— Что же делать? – спросила она.

— А слетай-ка ты к солнышку весеннему да к небу высокому, к ночке темной да к луне яркой, к травке шелковой да к водичке прохладной, и про огонек жаркий не забудь. Они тебе помогут, — посоветовала радуга.

— Спасибо, радуга, — поблагодарила синичка и полетела.

Ей надо было торопиться, так как времени было мало, и день уже заканчивался.

Первое, что ей попалось на пути, была река. Подлетела синичка к воде и села на камешек-голыш на бережку.

— Здравствуй, водичка прохладная!

— Здравствуй, синичка!

— Хороший мальчик и его добрая бабушка, которые кормили меня холодной и лютой зимой, ничего не имеют к Светлому Христову Воскресенью, — ответила птичка. – Курочка-сестричка даёт мне яички, но их надо покрасить – а у меня нет краски. Помоги мне: дай краску.

— Знаю я этого хорошего мальчика и его добрую бабушку. Конечно, помогу! Вот возьми голубую краску.

— Спасибо, водичка прохладная!

И синичка полетела дальше.

Недалеко от реки она увидала только-только пробивающуюся из темной земли травку. Подлетела к ней синичка и опустилась на землю.

— Добрый вечер, травка шелковая!

— Добрый вечер, синичка!

— Хороший мальчик и его добрая бабушка, которые кормили меня холодной и лютой зимой, ничего не имеют к Светлому Христову Воскресенью, — ответила птичка. – Курочка-сестричка даёт мне яички, но их надо покрасить – а у меня нет краски. Помоги мне: дай краску.

— Знаю я этого хорошего мальчика и его добрую бабушку. Конечно, помогу! Вот возьми зеленую краску.

— Спасибо, травка шелковая!

И синичка полетела дальше.

А день уже закончился, и наступила ночь.

Было уже темно и плохо видно, поэтому синичка села на ветку дерева и обратилась к ночи:

— Здравствуй, ночка темная!

— Здравствуй, синичка!

— Хороший мальчик и его добрая бабушка, которые кормили меня холодной и лютой зимой, ничего не имеют к Светлому Христову Воскресенью, — ответила птичка. – Курочка-сестричка даёт мне яички, но их надо покрасить – а у меня нет краски. Помоги мне: дай краску.

— Знаю я этого хорошего мальчика и его добрую бабушку. Конечно, помогу! Вот возьми фиолетовую краску.

— Спасибо, ночка темная!

Синичка хотела было уже полететь куда-то дальше, да подумала, что ничего сейчас в темноте не найдет. Она решила дождаться появления луны.

«Не проспать бы», — подумала она.

Она вздохнула и закрыла глазки. Кажется, она даже немного заснула. Холодный ночной ветер, подувший слегка, разбудил ее. Еще была ночь, и синичка хотела опять заснуть, но вдруг увидела луну и очень обрадовалась.

— Доброй ночи, луна яркая!

— Доброй ночи, синичка!

— Хороший мальчик и его добрая бабушка, которые кормили меня холодной и лютой зимой, ничего не имеют к Светлому Христову Воскресенью, — ответила птичка. – Курочка-сестричка даёт мне яички, но их надо покрасить – а у меня нет краски. Помоги мне: дай краску.

— Знаю я этого хорошего мальчика и его добрую бабушку. Конечно, помогу! Вот возьми желтую краску.

— Спасибо, луна яркая!

«Мне осталось совсем немножко, — решила синичка. — Успеть бы»

Она увидела, как темное ночное небо стало меняться, светлеть.

— Доброе утро, небо высокое!

— Доброе утро, синичка!

— Хороший мальчик и его добрая бабушка, которые кормили меня холодной и лютой зимой, ничего не имеют к Светлому Христову Воскресенью, — ответила птичка. – Курочка-сестричка даёт мне яички, но их надо покрасить – а у меня нет краски. Помоги мне: дай краску.

— Знаю я этого хорошего мальчика и его добрую бабушку. Конечно, помогу! Вот возьми синюю краску.

— Спасибо, небо высокое!

Синичка обрадовалась, немного посвистела и попела, приветствуя наступивший новый день.

Из-за горизонта медленно, чуть зевая и потягиваясь, появлялось солнышко.

— Доброе утро, солнышко весеннее!

— Доброе утро, синичка!

— Хороший мальчик и его добрая бабушка, которые кормили меня холодной и лютой зимой, ничего не имеют к Светлому Христову Воскресенью, — ответила птичка. – Курочка-сестричка даёт мне яички, но их надо покрасить – а у меня нет краски. Помоги мне: дай краску.

— Знаю я этого хорошего мальчика и его добрую бабушку. Конечно, помогу! Вот возьми красную краску.

— Спасибо, солнышко весеннее!

«Где ж мне найти огонек?- подумала синичка. — А полечу-ка я в церковь – там всегда горит огонек»

Через окошко залетела она в храм и видит, что яркий огонек горит перед иконой Богородицы.

— Здравствуй, огонек жаркий!

— Здравствуй, синичка!

— Хороший мальчик и его добрая бабушка, которые кормили меня холодной и лютой зимой, ничего не имеют к Светлому Христову Воскресенью, — ответила птичка. – Курочка-сестричка даёт мне яички, но их надо покрасить – а у меня нет краски. Помоги мне: дай краску.

— Знаю я этого хорошего мальчика и его добрую бабушку. Конечно, помогу! Вот возьми оранжевую краску.

— Спасибо, огонек жаркий!

Теперь у синички были красная, оранжевая, желтая, зеленая, голубая, синяя и фиолетовая краски, и она покрасила ими яички, которые дала курочка-сестричка.

Разговор синички с огоньком жарким в церкви слышала Богородица и тоже решила хорошим и добрым людям сделать подарок. Она принесла пасхальный кулич и поставила им на стол.

Наступило пасхальное утро.

И теперь на столе у мальчика и бабушки лежали разноцветные яички: красное — от солнышка весеннего, оранжевое – от огонька жаркого, желтое – от луны яркой, зеленое – от травки шелковой, голубое – от водички прохладной, синее — от неба высокого, фиолетовое – от ночки темной. Яички улыбались и прижимались друг к другу.

А пышный большой кулич со сладкой белой шапкой и поджаренными коричневыми боками прочно сидел на столе и смотрел черненькими глазами-изюминками.

Яркое весеннее солнышко своими лучиками осветило комнату, поиграло зайчиками на стене и разбудило мальчика.

Мальчик проснулся и увидел на столе подарки. Он очень обрадовался и очень удивился.

— Бабушка! Бабушка! Смотри! – радостно позвал он.

Бабушка тоже удивилась и обрадовалась. Она стала искать свои очки, которые всегда с ней хотели играть и постоянно прятались от нее.

— Где же мои очки? – растерянно оглядывала она все вокруг.

— Да вот же они! – мальчик нашел спрятавшиеся очки и протянул их старушке.

Бабушка надела очки и внимательно стала разглядывать утренние подарки. Такого еще она никогда не видела в своей долгой жизни. Она задумалась. И даже присела возле стола, подперев голову рукой. При этом коварные и хитрые очки решили потихоньку сползти с носа и опять куда-нибудь спрятаться. Но бабушка их поправила, подняв выше и пристроив на прежнее место. Они успокоились и затихли.

Бабушка покачала головой и сказала:

— Ну, вот видишь, внучок, я же говорила: Бог всегда дает добрым людям.

Мальчик и бабушка были очень рады и счастливы.

А за окном, на подоконнике, весело прыгала и свистела синичка. Она видела, как удивились и обрадовались мальчик и бабушка. Ей тоже было радостно, что они получили подарки за свою доброту.

Тому, кто делает добро, всегда хорошо и радостно в жизни.

Сказка про цыпленка

В некотором царстве,

В некотором государстве,

Не на небе – на земле,

В небольшом одном селе

Жил, совсем еще ребенок,

Желтый маленький цыпленок.

Жил в сарайчике своем

С мамой Курицей вдвоем

И, конечно же, для мамы

Он казался лучшим самым.

Как-то стал он вдруг грустить,

Перестал и есть, и пить.

Курица:

- Что с тобой, родной комочек?

Ты не болен, мой сыночек?

Цыпленок:

- У меня на сердце грусть,

Я всего-всего боюсь,

Вдруг придет сюда лиса,

Унесет меня в леса,

Вдруг однажды поутру

Не проснусь я и умру…

Тут встревоженная мать

Стала всех соседей звать:

- Приходите, приходите

Мою детку утешать!

Вот приходит дядя Гусь:

- Ни к чему цыпленку грусть,

Спрячь головку под крыло,

Там спокойно и тепло.

Не гляди на белый свет,

Проживешь всю жизнь без бед.

Но сказал цыпленок: - Нет!

Не хочу такой совет!

Мать зовет соседей снова,

Входит тетушка Корова,

Говорит цыпленку: - Му!

Что грустишь ты, не пойму,

Выпей, крошка, молочка,

И пройдет твоя тоска.

- Знаешь, тетушка Корова,

Не поможет твое слово,

Не помог мне ни кефир,

Ни творог, ни рыбий жир.

Вот приходит тетя Мышь:

- Что ты, маленький, грустишь?

Хочешь, в норке под стеной

Каждый вечер жить со мной?

Ни лиса, ни кошка тут

Нас с тобою не найдут!

Но сказал цыпленок: - Нет!

Не хочу такой совет!

Как-то в гости на минутку

Забежала тетя Утка

И сказала: - Кря – кря - кря,

Унываешь, детка, зря,

Погляди-ка из окна,

На дворе уже весна,

Прилетели к нам стрижи,

Сойки, ласточки, чижи,

И поют такие песни,

Я не слышала чудесней!

Наш цыпленок чуть подумал,

Голову в окно просунул

И в высоком поднебесье

Вдруг услышал эту песню…

Слушал маленький цыпленок

Эту песню изумленно,

Что прекрасен белый свет,

Что на свете смерти – нет,

И душа его хотела

Стать большой-большой и смелой…

А в высоком поднебесье

Продолжала литься песня

Со словами – нет чудесней:

- Христос воскресе!

Христос воскресе!

Пасхальное яичко

Жили-были дед и баба. Жили они очень одиноко и бедно. Детей у них не было.

А из живности была у них одна курица. Только цыплят дед с бабой не разу не видели, а курица как снесет яичко, оно пропадает. И вот наступило время Светлой Христовой Пасхи!

А дед загоревал:

Курица наша ни как нам яиц не дает.

Хорошо у нас, хозяйка,

Только как не поворчать –

Ни куличика, ни пасхи…

Как же праздник нам встречать?

Баба:

Праздник мы встречаем в храме,

А не дома за столом.

Нас с тобой Бог не оставит,

Не грусти, старик, о том.

А дед не успокоился, решил за курицей понаблюдать.

Увидел, что курица снесла яйцо, и оно куда-то покатилось..

Быстро-быстро катилось яйцо, дед за ним не поспевал и совсем отстал…

Яйцо оказалось не простое! Кричит ему: «Не грусти старик!!! Я яичко не простое, а пасхальное! Богу молись, и все наладится!»

Покатилось яичко по лесам по долам и поет песенку:

Вот какой чудесный дом!

Много есть соседей в нем.

Только кто его построил?

Кто порядок в нем устроил?

Кто посеял мох, цветочки?

Кто деревьям дал листочки?

В реки кто воды налил?

Кто в них рыбок поселил?

За весной послал к нам лето?

Кто же, кто придумал это?

Кто все так устроить мог?

Знаете дети?

Ну конечно, это Бог.

Бога видеть невозможно.

Лишь дела увидеть можно,

Те, что делает для нас

Каждый день Он, каждый час.

Вот за что и почему благодарны мы Ему.

Чтоб Его не огорчать,

Душу надо освящать,

Зла не делать никому

И послушным быть Ему.

Катилось, катилось яйцо, а навстречу ему бежит Белочка:

- Ты куда яичко торопишься?

- Я иду за добрым делом! хочешь со мной?

- Поедем, а я еще и гостинцы возьму…

Я – Белочка - умелочка.

Мой небогат подарочек,

Но бедность – не порок.

Изюма да орехов несу я кузовок. –

Пошли они вдвоем.

А навстречу им кошка:

-Мяу-мяу вы куда, погулять, что ль с вами?

- Не гуляем мы сестра, и не прохлаждаемся..

А спешим в Пасху туда, где сильно в нас нуждаются!

- Мяу, Пасха?! Мур-мур, мяу..

У меня есть творог, молоко, и еще сметанка...

Возьмите меня с собой, может, я вам пригожусь!

И своими запасами поделюсь, мяу… -

И пошли они втроем.

Идут они идут, через реку, по полям, по лесам и по долам.

Смотрят путники, теремок стоит посреди леса. Подошли они к нему, постучались:

-Чей домик-теремок, кто в домике живет?

Мышка-норушка к ним вышла и запищала, увидев кошку:

- Ой, спасите, кошка, кошка! А здесь живет девочка Настенька.

Очень хорошая девочка, добрая, но живет она одна!

Кошка:

-Не пугайся, меня, крошка!

Не обидит тебя кошка.

В гости к Насте я пришла

И сметанки принесла.

Пропусти меня скорей

К милой Настеньке моей!

А яичко говорит:

- В святую ночь нельзя вам враждовать!!!

Кошка:

-Да, конечно, будем мы друзьями.

Мышка согласилась:

- Конечно, будем друзьями!

А я – Мышка-Норушка.

Я для милой Настеньки принесла муки,

Будут у нее теперь блины и пирожки.

В зимушку голодную она меня спасла –

Крошек хлебных, семечек для Мышки припасла.

Зашли гости в домик – теремок. И Настеньке рассказали про старика и старуху. И что грустно им живется, сиротливо.

Настенька:

- С удовольствием схожу я к ним в гости и поздравлю с праздником праздников, с торжеством из торжеств - ПАСХОЙ ХРИСТОВОЙ!!!

Взяла Настенька яичек в подарок деду и бабе. Мышка собрала мешочек с мукой. Кошка котомку с творогом, молоком и сметаной. Белочка свои припасы: орешки, изюм. А яичко показывало им дорогу. И пошли они со всеми дарами к деду и бабе. Куличи да пасхи печь, и яички красить.

Пасху красную встречать

В храме Бога прославлять!

Сказка про пасхального кролика

Солнечным пасхальным утром шёл по опушке леса кролик Питер. Направлялся он в гости к Сонечке и Сандрику и нёс в своих лапках корзинку полную крашеных яичек и маленьких шоколадок.

На высокой сосне мама белка учила своих маленьких бельчат, как нужно расставлять лапки, когда прыгаешь с ветки на ветку. Беличья семья ещё издали заметила Питера и радостно приветствовала кролика:

— Доброе утро, Питер! Что ты несёшь в своей корзинке?

— Доброго утра и светлой Пасхи! – ответил кролик Питер. – Несу я яички и лакомства для Сонечки и Сандрика.

— Мы тоже хотим, мы тоже хотим, — запрыгали бельчата на ветке.

— Тут много! Угощу и вас, — ответил Питер.

Он достал из корзинки крашеное яичко и шоколадки для бельчат. Мама белка спустилась вниз и с благодарностью приняла угощения от кролика.

— Спасибо! Спасибо! – кричали бельчата вслед Питеру и махали своими пушистыми рыжими

хвостами.

Питер не успел далеко уйти, как встретился с семьёй лис. Мама-лисица грелась на солнышке, пока лисят устраивали соревнования по прыжкам через пенёк.

— Питер, Питер! Что у тебя в корзинке? – хором закричали лисята.

— Пасхальные гостинцы для Сонечки и Сандрика, — ответил кролик. – Давайте угощу вас шоколадками!

— Нет, нет, лисятам нельзя шоколадки, — вмешалась мама-лисица. – Зубки испортят. Для лис зубы очень важны.

— Ну, тогда возьмите по крашеному яичку! – предложил Питер.

Угостив лисят и немного побеседовав с мамой-лисицей о том, какой сегодня ясный и погожий денёк, кролик Питер продолжил свой путь, напевая весёлую песенку:

— Пасхальное утро, прекрасный денёк,

И рады и счастливы люди и звери.

Пасхальное утро, прекрасный денёк,

Несу вам подарки. Откройте же двери!

Тут на пути кролика встретились папа-ёж и маленький ежонок, которые возвращались домой с полными корзинками грибов.

— Вот, несём маме-ежихе грибочки, чтобы приготовила вкусный обед.

— А я к Сонечке и Сандрику, несу им пасхальные угощения, — ответил кролик Питер. – Возьми и ты себе яичко, ежонок.

Ёж с ежонком поблагодарили пасхального кролика, и каждый отправился в свою сторону. Затем на пути Питера встретилась медведица с тремя медвежатами, а около ручья бобёр с бобрёнком. Всех радостно приветствовал кролик Питер, всех угощал содержимым своей корзинки.

Вот уже и лес закончился, и по тропинке через поле кролик пошёл к домику, где жили Сонечка и Сандрик. Дети стояли на пороге дома и радостно махали приближающемуся кролику.

— Светлой Пасхи, мои друзья! – приветствовал их кролик.

— Светлой Пасхи! Здравствуй, здравствуй, Питер! – запрыгали дети от радости.

— А я вам гостинцы принёс, — пасхальный кролик протянул корзинку Сонечке.

— Ой, — воскликнула Сонечка, заглядывая в корзинку. – Тут почти ничего нет, только две маленькие шоколадки.

Кролик Питер сам заглянул в корзинку и понял, что девочка оказалась права. Он схватился за голову и заплакал.

— Ой, ой! Что же я наделал! Мне по пути встретилось столько моих друзей-зверей, каждый меня радостно приветствовал, и мне хотелось каждого чем-то угостить. Вот я и не заметил, как в корзинке закончились угощения. Что же мне теперь делать? Простите меня, пожалуйста!

— Не расстраивайся так, Питер, — Сонечка погладила кролика по голове. – Ты такой молодец, что угощал своих друзей. Пошли с нами в дом.

Малыш Сандрик взял кролика за лапку и потянул за собой:

— Идём, идём!

Когда Питер и дети зашли в дом, кролик увидел накрытый белой скатертью стол, на котором возвышался красивый пасхальный кулич и целая тарелка разноцветных крашеных яичек.

— Мы тебя так ждали! Сейчас будем чай пить! Посмотри, каких куличей мы с мамой испекли и булочек, и яички покрасили. У нас их много! Мы и тебя угостим, и в дорогу дадим. Давай свою корзинку! – сказала Сонечка кролику.

— Да разве так можно? Это ж я, пасхальный кролик, должен вам приносить гостинцы, а не вы мне.

Дети рассмеялись.

— Какая разница! – покачала головой девочка. – На Пасху все друг друга угощают! Ты угостил лесных зверушек, а мы тебя! Пасха – светлый праздник любви и доброты.

— Спасибо, Сонечка, спасибо, Сандрик! – поблагодарил пасхальный кролик, обнимая деток.

А затем вся семья вместе с кроликом Питером сели пить ароматный чай с пасхальными угощениями. В дорогу дети дали кролику крашеных яичек, булочек и куличей. А Питер решил снова пойти через лес, чтобы угостить тех своих друзей, которых ещё сегодня не встречал.

Пасхальная сказка про волка

В дремучем лесу наступила весна. Зазеленела трава, распустились первые цветы, то тут то там порхали бабочки и щебетали птицы. Дело было в Пасхальную неделю, когда зайчики прятали в лесу красивые пасхальные яйца.

В понедельник, в самом начале пасхальной недели, серый волк шёл по лесу в приподнятом настроении. И вдруг он увидел волчицу. Это была самая красивая волчица из всех, что он когда-либо встречал. Она сидела на лужайке в окружении цветов. Ах, как она была прекрасна! Волку хотелось подойти и поздороваться с ней. Но он постеснялся, подумав, что вдруг он ей не понравится.

Волк развернулся и пошёл обратно в своё логово. По дороге он увидел пасхальное яичко красного цвета. Это зайчики оставили подарок для зверей. «А что, если я оденусь также как это красивое яичко? Тогда я точно понравлюсь волчице», — подумал волк.

Он побежал домой, достал свой красный свитер и довольный направился к лужайке. Всё также пели птички, и одна из них громко пропела: «Смотрите, наш волк влюбился, он оделся в красный цвет!» Конечно, волк хорошо знал, что красный цвет — это цвет любви. « Какой ужас, — подумал волк, — Моя избранница сразу догадается о моих чувствах, а ведь мы ещё даже не знакомы!»

И он убежал обратно в логово, так и не дойдя до лужайки. По дороге, он нашёл ещё одно пасхальное яичко. Оно было голубое. «Думаю, что этот цвет мне будет к лицу», — сказал волк и спокойно уснул.

Во вторник, волк надел голубой свитер и направился знакомиться с волчицей. Он чувствовал себя уверенно, пока не услышал птичек беседующих на дереве. «Смотрите, наш волк похож на весенний цветочек!» — сказала одна из них. «Похож на цветочек? Какой ужас! Я хищник, все в лесу меня боятся! Мне не под стать выглядеть, как нежный цветочек!» — и он опять повернул назад. По дороге домой он нашел зеленое яичко.

В среду волк проснулся и открыл свой сундук. «Теперь никто не посмеет сказать, что я нежный цветок», — подумал волк. Идя по лесу, он прислушивался к голосам птиц. И вдруг одна птичка запела: «Бедный, бедный волк, он так сильно заболел, что весь позеленел!» «О нет! — простонал волк. Я не могу показаться на глаза волчице в больном виде, ведь я хочу, чтобы она увидела меня сильным, могучим и здоровым». И он опять не дошёл до лужайки. По дороге домой волк нашёл розовое яичко.

В четверг волк достал свой розовый свитер, посмотрел на своё отражение и подумал, что розовый свет ему очень к лицу. По пути ему встретились пасхальные зайчики. Они не могли сдержать смеха: «Ой умора, волк розовый, прямо как мы!» — заливались они от смеха. Волк так смутился, что даже забыл зарычать на них. Он со всех ног бросился обратно в логово. Около входа он остановился, чтобы отдышаться и тут заметил желтое яичко.

В пятницу волк надел свой желтый свитер. «Очень неплохо, — подумал волк. Этот цвет поднимает мне настроение». В этом приподнятом настроении волк направился к волчице. По дороге он услышал одну из птичек: «Ах, этот волк похож на желточек, прямо как внутри яичек, которые я высиживаю. Побыстрее бы вылупились мои детки»! «Какой ужас! — подумал волк, — теперь меня сравнивают с птенцом! А я ведь хочу, чтобы волчица увидела, какой я грозный и, что все звери меня боятся». По пути домой волк нашел коричневое яичко.

В субботу волк надел свой коричневый свитер. «Ну, теперь уж никто не скажет, что я похож на птенца», — удовлетворенно произнес волк. Уверенно шагая по лесу, он вдруг услышал бабочку, пролетающую над ним: «Какой хорошенький волк, — сказала бабочка, — Ну прямо как шоколадный зайчик, которого подарили мне на Пасху. «Зайчик?! — взвыл волк. Ну всё, хватит с меня»! — разозлился он и помчался к себе в логово.

В воскресенье волк решил пойти к волчице в своем обычном сером свитере. «Будь что будет», — сказал он себе. И смело зашагал в сторону лужайки. Волчица сидела там в окружении цветов и казалась волку ещё краше. Увидев его, она произнесла улыбаясь: «Ты самый серый волк в нашем лесу! А знаешь, какой мой любимый цвет? — и с этими словами она протянула ему серое пасхальное яичко, — Я сделала его специально для тебя, а ты всё не приходил», — кокетливо произнесла она.

Волк был счастлив как никогда. Оказывается, не нужно было наряжаться и казаться лучше, чтобы понравиться волчице. Он нравился ей таким, какой он есть!

Подснежник и божья коровка

Храм был украшен цветами и залит целым морем света – горели все светильники и паникадило, были зажжены свечи на больших позолоченных подсвечниках перед иконами и все лампады. Звуки праздничных песнопений, прославляющих Спасителя, летели к куполу и сливались там в чудную, неземную гармонию. Отец Владимир и отец Николай в красных епитрахилях,

расшитых золотом, непрерывно кадили храм, восклицая: «Христос воскресе!» И все люди, на едином дыхании, отвечали: «Воистину воскресе!»

Домой мама, папа и дети возвращались по лесной дороге. Праздник продолжался, вокруг ликовала природа: пели птицы, сверкала на солнце зеленая травка, на пригорках и лужайках улыбались желтенькие веселые цветы мать-и-мачехи. В светлой березовой рощице и у Серебряного колодчика цвели подснежники, похожие на беленькие чистые колокольчики.

Но Таня и Гриша не стали их срывать. Мама и Ванечку уговорила не трогать нежные цветочки – пусть они радуют людей всю Светлую седмицу и всю Пасху, и все лето.

За усадьбой, на лужайке под березкой Таня и Гриша увидели соседскую девочку Катеньку.

– Твоя бабушка вышла из калитки и тебя ищет, – улыбнулся ей папа, увидев Анну Борисовну, которая спешила к березе.

– Христос воскресе! – сказала Таня, поцеловала Катеньку и подарила ей розовое яичко с нарисованным на нем голубым подснежником.

– Это мне Гриша помог нарисовать на яичке такой красивый подснежник, а я написала буквы Х и В. Такие яички называются писанками.

Катенька взяла яичко с подснежником в свои маленькие ладошки и присела на корточки, чтобы сравнить настоящий подснежник, который она нашла в траве, с нарисованным.

– Они похожи, – решила довольная Катенька.

Подошла Анна Борисовна. Она одарила детей крашенками, а мама рассказала пасхальную сказку о голубом подснежнике и божьей коровке.

Сказка о подснежнике и божьей коровке

Всю зиму проспал маленький жучок – божья коровка – в норке под старым пнем. Весной, когда пригрело солнышко и стал таять снег, его разбудила капель.

«Что-то сыро стало в моем доме, – подумал жучок, – ножки даже промокли».

Вода в норке все прибывала, и жучок решил выйти наружу. Он встречал весну впервые в своей жизни, и у него красовалось только одно пятнышко на красной спинке.

– Вовремя я проснулся, – радовался жучок. – Как прекрасно все вокруг! И голубое небо, и золотое солнышко, и зеленая травка!

Среди травок жучок увидел чудесный цветок, такой же голубой, как далекое небо.

– Как зовут тебя, небесный цветочек? – спросил жучок.

– Разве ты не знаешь? – тихо прозвенел цветок, словно маленький колокольчик. – Я подснежник. Мы, подснежники, появляемся весной прямо из-под снега, чтобы украсить лужайки к Празднику Пасхи.

– А что это за Праздник? – спросил жучок.

– Это самый прекрасный Праздник, – ответил подснежник. – Он всегда бывает весной, когда

все расцветает и оживает.

– Все оживает, оживает, оживает, – затараторила на березе сорока, заинтересовавшаяся этим весенним знакомством.

– Как хорошо, что ты расцвел к Пасхе, давай с тобой дружить, – сказал жучок подснежнику.

И цветочек, кивнув головкой, прозвенел:

– Динь-динь, да-да, дружить, дружить.

Вдруг прилетел ветер. Он стал раскачивать подснежник, играя с ним. Ветер все усиливался и принес с собой черную тучу.

– Туча! Туча! – застрекотала сорока. – Прячьтесь, букашки! Прячьтесь, цветочки! Снег! Снег! Опять пойдет снег!

Солнышко скрылось за тучей, а с потемневшего неба стали падать холодные снежинки. Они покрывали нежные лепестки подснежника, и жучок испугался, что милый цветочек замерзнет и погибнет.

– Уходи, прячься в своем домике, – сказал жучок голубому цветку.

– Я не могу, – вздохнул подснежник, – я расцвел на маленькой зеленой ножке, которая в земле укреплена корнем. Если мне оторваться от корешка, я погибну.

– Что же делать? Что делать? – волновался жучок. – Пожалуйста, не замерзай. Как же я буду жить без тебя?

– Не грусти, – тихо ответил подснежник, – скоро расцветет много других цветов.

– Но мне дороже всех других цветов ты, потому что ты расцвел самым первым.

Сорока все слышала и решила помочь друзьям. Она слетела на пень, возле которого вырос подснежник, взяла в клюв большой старый лист и прикрыла цветок вместе с жучком, как крышей. Холодные снежинки больше не обжигали нежные голубые лепестки цветка.

К счастью, снегопад вскоре прошел, ветер унес сердитую тучу к северу и снял старый лист с подснежника. Солнце снова засияло на небе, и снежинки, покрывшие траву, превратились в дождевые капли.

Из деревни с белой колокольни храма донеслись звуки благовеста.

– Пока! Пока! – протрещала сорока подснежнику и жучку и, отряхнувшись, полетела сообщить всем лесным жителям о Празднике Пасхи и о весне, которая уже не отступит.

Прекрасной была эта весна. У божьей коровки появилось второе пятнышко на крылышках. Она взлетала на березку, нарядившуюся в сережки, и подолгу кружила вокруг своего друга подснежника, который часто угощал ее сладким соком на голубых лепестках. Прилетали к подснежнику и пчелки, и мотыльки, и красивые бабочки. Они всегда приносили подснежнику на своих лапках пыльцу с других цветов, а цветок также щедро одаривал их чудесным нектаром.

Но вот наступило лето. Солнце припекало все сильнее, высохли весенние ручейки, поднялась

высокая трава с новыми цветами, ромашками и колокольчиками.

А подснежник вдруг стал бледнеть. Когда проходил короткий летний дождь, он ненадолго оживал, а затем снова лепестки его свертывались, и он жалобно просил:

– Пить! Пить!

Жучок нашел маленький листик-розетку и носил в нем по капельке воду из ручья, чтобы напоить цветок.

– Ты совсем устал, добрый жучок, – еле слышно прошептал подснежник своему другу. – Посмотри, сколько расцвело цветов вокруг, иди и любуйся ими, они тоже подарят тебе свой нектар. А мне, видно, пора засохнуть.

– Нет, нет, – заплакал жучок, – мне не нужны другие цветы. Я хочу, чтобы ты всегда был рядом.

И жучок побежал к ручью, где под корягой жила старая лягушка.

– Тетушка лягушка, – попросил жучок, – помоги подснежнику.

Лягушка пошла с жучком к цветку. Бедный подснежник лежал головкой на траве. Жучок заплакал еще горше:

– Ах, бедный мой нежный подснежник…

– Не плачь, – сказала умная лягушка, – подснежник не погиб, он просто отцвел, потому что пришло время ему отцвести. Лепестки цветка засыхают, но на их месте образуется плод и семя. Под землей находится луковичка подснежника, в ней его сердечко, его новый росток. И когда наступит после долгих дней жаркого лета, холодной осени и морозной зимы опять весна, росток оживет и пробьется к солнцу. Он вновь расцветет и будет всех радовать своими небесно-голубыми лепестками.

– Так, значит, подснежник вновь оживет? – с надеждой спросил жучок.

– Да, он вновь оживет, – подтвердила мудрая лягушка.

– Спасибо тебе, тетушка, – сказал жучок. – Я буду терпеливо ждать и дождусь дня, когда подснежник зацветет вновь.

***

Мама закончила свою сказку.

– А жучок дождался подснежника? – спросила Катюша.

– Конечно, дождался, – ответил Гриша. – Видишь, какой красивый подснежник под березкой?

– А вот и божья коровка! – воскликнула Таня.

И дети разглядели на стебельке цветка красного жучка с темными крапинками.

– Жучок подрос, у него уже три крапинки, – сосчитал Гриша.

Улыбаясь, смотрели мама, папа и Анна Борисовна на детей у подснежника.

Дети долго еще стояли под березкой. А благовест все плыл и плыл над деревней, над березой, над лугом, над рощей – и вся природа ликовала, потому что Господь наш Иисус Христос воскрес.

Помощник пекаря

За синими морями, за высокими горами стояли рядом два царства-государства. В первом народ был трудолюбивый, жил по принципу «кто не работает, тот не ест», а во втором люди ленились, работать не хотели, жили под девизом «что хочу, то и ворочу».

В первом государстве хорошо жилось не только народу честному, но и зверушкам и пичужкам разным. Славилось оно мастерами и мастерицами: гончарами, кузнецами, ткачихами и поварихами. Но самым знаменитым был там царский пекарь Василий Иванович. Такие он пироги и торты выпекал, что они во рту таяли. Но лучше всего у него Пасхальные куличи получались. А уж как он их украшал и глазурью расписывал во славу Божию – загляденье!

Понятно, что одному человеку в царской пекарне с работой не справиться, поэтому было у пекаря несколько помощников, а самым главным – Пётр, удалец-молодец. Всё в его руках спорилось: и булочки он выпекал самые румяные, и пирожки с противня снимал самые поджаристые, и крем для пирожных взбивал самый воздушный.

Второе государство ничем не славилось, мастеров у них отродясь не водилось, разве что подмастерья, и те захожие. Люди там впроголодь жили, а уж на животинку им и вовсе еды не хватало. От них не только голодные кошки и собаки сбегали, но и птицы мимо пролетали.

Больше всего на свете царь первого государства любил гостей принимать и угощать. Поэтому царица его называла «Ваше гостеприимное величество».

Слава об этом замечательном качестве царя шла по всей земле и, дважды обернувшись вокруг неё нарядной лентой, возвращалась обратно.

Любое пожелание гостей царь с радостью исполнял. Всё, что они не захотят, им в царской пекарне выпекут: и булочку с маком, и ватрушку с ежевикой, и плюшку с творогом, и пирожки разные, и расстегай с курятиной, и пирожное, и даже круассан заморский из теста слоёного.

Однажды зимой перед Великим постом нагрянул к гостеприимному величеству царь-сосед. Узнал он про пекаря чудесного и захотел его выпечки попробовать, оценить – вправду ли она такая вкусная.

Отведал он и пирожков, и расстегаев, от круассана кусочек отщипнул и вдруг говорит: «А приготовьте-ка мне ватрушку с творогом, да чтобы было в ней ровно двадцать пять изюминок!»

Забегали помощники Василия Ивановича: один на ферму помчался за творогом, другой начал муку просеивать, а Петр сел изюминки считать. Три раза пересчитал, чтобы не ошибиться и в грязь лицом не ударить.

Пекарь сам ватрушку во дворец принес и перед гостем на тарелку выложил. Встал неподалёку и смотрит, что тот делать будет. А гость все изюминки выковырил, пересчитал, в салфетку завернул и в карман убрал, а ватрушку съел. И ничего никому не объяснил. Царица, увидев это, велела насыпать в коробку фунт изюму и незаметно гостю в телегу подложить. Ведь царь на телеге приехал, потому, как карета его давно сломалась, а починить её было некому.

Время в посту быстро летело, не успел народ оглянуться – вот уже и страстная седмица за середину перешла – пришла пора к Пасхе готовиться: куличи печь, пасху варить, яйца красить. Да только вдруг случилось событие, из рук вон выходящее.

В чистый четверг Василий Иванович с помощниками пришли в пекарню засветло, а вот Петруша куда-то запропастился. «Неужто проспал помощник, - удивился пекарь, - ну да ничего, пока и без него справимся». Помолились все и к праздничной стряпне приступили. Уже и муку просеяли, и масло растопили, а Петра всё нет. Тогда послал Василий Иванович к нему домой младшего помощника. Тот пулей слетал туда и обратно. «Нету, - говорит, - дома Петра, и родители его со вчерашнего дня не видали».

«Что делать? – расстроился пекарь, - ведь у Петруши самые красивые и румяные куличи получаются. Он ведь особым чутьем чует, когда их из печи вынимать. Не иначе что-то с парнем случилось – впервые он на работу не вышел. Надо царю сообщить, что Пётр пропал. Дело-то государственной важности». Дождался он, когда царь-батюшка после службы из церкви вышел, и сообщил ему о пропаже помощника.

Тем временем в пекарне всё дело встало.

Царь тут же повелел всем слугам на поиски Петра отправиться. Каждый уголок царства обыскать, а главного помощника найти!

Услышала царский приказ Марьюшка, сестра Петина. «Дай, - думает, - сбегаю на реку». Видела она, как брат с вечера удочки готовил. Ещё удивилась, что он на Страстной седмице на рыбалку собирается.

Словно ласточка помчалась девица к реке, и точно – сидит Петя, на поплавок, словно заворожённый, смотрит.

- Братец, - закричала Марьюшка, - тебя Василий Иванович обыскался. Ты что, забыл - сегодня куличи пекут пасхальные?

- Ну и что? – не отрывая глаз от поплавка, говорит Пётр, - я-то здесь при чём?

- Так ведь только ты знаешь, когда куличи из печи доставать!

- А я больше в пекарне работать не хочу. Мне вообще работать надоело. Я и так проживу.

- Ведь в нашем царстве так жить нельзя, - всплеснула руками Марьюшка, - у нас ведь кто не работает, тот не ест.

- А я к соседям подамся. Что захочу, то и буду делать!

- Вот искушение! – расстроилась девица и помчалась во дворец.

А Пётр тем временем удочку свернул и пошёл, насвистывая, в соседнее царство. Увидел его тамошний царь с балкона, обрадовался. Кричит:

- Нашего полку прибыло! Теперь и у нас плюшки с ватрушками на завтрак будут! Иди сюда, Петя, чайку попьём, о житье-бытье поговорим.

Поднялся к нему молодец. Идёт по дворцу удивляется - ступени расшатанные под ногами скрипят, а кое-где их и вовсе нет. Ковры молью проедены, мебель пылью покрыта. Стул под его

величеством шатается – того и гляди развалится. Мантия на нём штопана-перештопана, у короны один зубчик отломан, туфли домашние дырявые.

- Что это Вы, Ваше самостоятельное величество, в такой разрухе обитаете? – удивился Пётр.

- Так ведь у нас не то, что у вас. Народ мой счастливо живёт – что хочет, то и делает.

- Судя по всему, ничего ваши подданные не хотят, - усмехнулся молодец.

- Правильно говоришь, - с грустью сказал царь, - ничего народ делать не хочет. Я сам кое-как за дворцом слежу. Живу один-одинёшенек. Царица меня бросила, вернулась к родителям. Там и живёт. А я ведь как её с детишками баловал! Все для них делал! Подарки дарил! В последний раз целых двадцать пять изюмин им привёз!

- Помню, - изумился Пётр, - я сам эти изюминки считал. Думал хитрость какая ваша царская.

- Да какая хитрость, - махнул царь рукой, - каждому на зубок по ягодке. Правда, потом я целый фунт изюма в нарядном коробе в телеге обнаружил. Вот радости-то было!

Начал Пётр его царство с балкона рассматривать. Смотрит и диву даётся: дома у всех разные. У одного - избушка без окон без дверей, у другого – мазанка без трубы, у третьего – изба без крыльца, а вдали, посреди поляны, юрта стоит. По всему видно, что народ хочет, то и воротит.

- Петруша, ты бы испёк мне что-нибудь вкусненькое, пирожок или ватрушечку, у меня где-то мучица есть, и пара яиц найдётся.

- Ваше величество, какой пирожок? Страстная седмица нынче. Великий пост на дворе, - поразился Пётр.

- Ну и что, - пожал плечами царь, - мы не постимся. Неохота нам себя в еде и развлечениях ограничивать.

- А какие у вас здесь развлечения?

- Немудрёные, но весёлые. На быке или на козе прокатиться, кошке шаркунок на хвост привязать и смотреть, как она юлой крутится, снять его пытается. А то ещё можно семечки грызть и шелуху вниз с балкона сплевывать, глядишь – кто-нибудь мимо пройдёт, и шелуха к нему прилипнет.

- То-то я гляжу, что вокруг дворца шелуха слоем лежит, - отошёл от перил Пётр. - А что-то я вашей церкви не вижу. Где она?

- Да, храм-то наш давно развалился, - вздохнул царь.

«И храма у них нет, и дома без окон, и творят по своей воле, страха Божьего не знают. Нет, так жить я не хочу. Эх, голова моя бедовая, куда меня занесло», - испугался Пётр.

- Знаете что, Ваше величество, побегу-ка я обратно. Мне работать надо, Василию Ивановичу помогать куличи к Пасхе печь.

- Ну, беги, коли хочешь. Не могу противиться твоему желанию, - согласился царь. – Ты, знаешь что, передай своему гостеприимному величеству, что я со всем народом разговляться к нему приду. Пусть побольше куличей печёт и яиц побольше красит.

«Так вы же не постились», - хотел сказать Пётр, но промолчал. Понял, что без толку говорить, всё равно у царя на всё оправдание имеется.

- Прощайте, Ваше Величество, - крикнул молодец уже на бегу – ноги его сами в родное царство понесли.

Примчался он в царскую пекарню, бухнулся на колени перед пекарем:

- Простите меня, ради Христа, Василий Иванович. Никогда я больше от работы отлынивать не буду. Понял я, что счастье - жить в труде, а без работы жить – в беде.

- Да я на тебя обиды не держу, - обнял его пекарь. – Значит, надо было тебе сегодня в соседнем царстве побывать, иную жизнь повидать. Быстрее фартук надевай и за работу, пока тесто для куличей не опустилось.

Пётр за тесто схватился, аж светится от радости, а Василий Иванович во дворец весть отправил, что, слава Богу, нашёлся помощник. Будут к Пасхе куличи румяные. Прочитал царь весть, обрадовался, перекрестился, Богу поклонился.

К вечеру вся пекарня была уставлена нарядными куличами, крестами и разными узорами украшенными.

Посыпал сахарной пудрой последний кулич Пётр и тут вспомнил, что забыл просьбу соседского царя передать. Рассказал он Василию Ивановичу, что на Пасху к ним всё соседнее царство разговляться явится. Пекарь куличи пересчитал и решил, что угощения всем хватит и ещё останется.

Так и вышло.

Соседи во главе с царем-горемыкой не только разговляться пришли, но, ко всеобщей радости, на Пасхальной службе помолились. А потом, сидя за праздничным столом, решили, что пора им жизнь поменять.

Так что после Пасхи началась в соседнем царстве новая жизнь. Мастера из первого царства обучили соседей ремёслам разным, и стали те работать не хуже других.

Засучил народ рукава и перво-наперво церковь заново построил, дома в божеский вид привёл, улицы от грязи очистил и за дворец принялся.

Вскоре и царица с детьми домой вернулась. Вышло всё царское семейство на балкон, смотрит на своё государство - не нарадуется. Дома вдоль улиц стоят ровнёхонько, наличники вокруг окошек резные, крыльцо одно другого краше. Из кузни слышен стук-перестук – молот с молоточками переговаривается, где пила звенит, где топор стучит. Собаки лают, коровы мычат. А пичужки на все голоса поют-заливаются, Бога славят.

Царь, бывший горемыка, упросил Петра у него главным пекарем остаться. Хоть не хотелось Василию Ивановичу терять любимого помощника, но согласился он молодца отпустить.

Вскоре Пётр в новом государстве себе невесту присмотрел, сватов к ней заслал, а осенью молодые повенчались.

Василий Иванович им на свадьбу такого размера торт испёк, что на два царства хватило и нам с вами осталось.

РАССКАЗЫ

Чукчин замок

Мне было восемь лет, а Веруньке семь. Но она была умнее меня. Жизненный опыт как-то мало прививался ко мне, и я постоянно, на каждом шагу становился в тупик. Верунька же все сразу объясняла и пристраивала. Верунька — это моя сестренка. Мы вместе росли. Мы всегда были вместе. Яне помнил мгновения, когда бы мы были врозь. «Я с Верунькой» — это было в моих глазах одно существо. И помню, как поразило меня, когда мне стало девять лет, и было решено отвезти меня в город и отдать в гимназию. Я сказал:

— А Верунька?

— Верунька останется дома. Ей еще рано, она мала.

И я в первую минуту даже не понял. Мне казалось, что нас разделить невозможно, ну, вот совершенно так, как если бы от нашего сельского священника отца Маврикия отделили голову, и он вышел бы в церкви служить, оставив голову дома.

Наша жизнь с Верунькой — это был сказочный мир приключений. У Веруньки была удивительно фантастическая голова. Она иногда просто поражала меня своими необыкновенными, замысловатыми историями. Сидим мы с нею где-нибудь на гумне под стогом соломы или свежего сена. Она — такая тоненькая, худенькая, с маленьким смуглым личиком, с маленьким ротиком и большими глазами, вытянув перед собою ноги, сложив на груди свои миниатюрные ручонки, смотрит куда-то вдаль, и вдруг раздается ее слабенький, тоненький голосок. Она говорит о желтеньком принце, у которого такой мягкий, нежный, пушистый кафтан, а на его тоненьких ножках высокие сапожки из нежной коричневой кожи. Он собирается в плавание, и вот, окруженный такой же желтой свитой рыцарей — у некоторых, впрочем, на груди темные панцири — он подходит к берегу моря… Я не помню ее сказок, знаю только, что она не могла обходиться без героев, и герои у нее были наши знакомые, населявшие наш двор. И этот желтенький принц был не кто иной, как утенок, неделю тому назад вылупившийся из яйца. Он был самый крупный и самый интересный утенок и потому был произведен в принцы, остальные же были только рыцари. И для всякого существа, какое только жило в нашем дворе — в курятнике, в гусятнике, в коровнике, в телятнике, в конюшне, где бы то ни было, — была отведена роль в ее фантазии. Я помню, как она иногда заставляла меня плакать, когда какой-нибудь персонаж ее сказаний вдруг погибал…

Правда, мы часто видели его на обеденном столе, особенно если были курица, или петух, или индейка. В виде какого-нибудь фрикасе или котлетки с маленькой косточкой, обернутой в папильотку, мы не узнавали наших героев и преисправно отправляли их в наш рот. Но все же они исчезали. Мы не могли этого не знать. И тогда фантазия Веруньки становилась трагической. Она сочиняла потрясающие рассказы о гибели молодого существа после целого ряда ужасных приключений и борьбы. А я слушал с замиранием сердца и верил, как дурак, что все это так и было. Да и Верунька верила всему тому, что сочиняла, и мы часто оба плакали. Не знаю, почему главным героем своих повествований она избрала такое неуклюжее, некрасивое животное, каким был, несомненно, возросший в нашем дворе боровок, по имени Чукча. Она избрала его еще тогда, когда он был совсем маленьким поросенком. Тогда, пожалуй, он был интересен. Совсем голенький, с нежно-розовой кожей, с длинными отвислыми ушами, с круглой, необыкновенно подвижной мордочкой, он был смешон и глуп до последней степени. Его братья и сестры, которые родились одновременно с ним в количестве двенадцати штук, ничем не привлекали к себе нашего внимания, и притом же Веруньке про них пришлось

слагать трагические истории. Некоторых раздали знакомым, например, отцу Маврикию дали двух, других отослали в город для продажи, третьих просто съели. Был момент, когда и Чукче грозила судьба его братьев, — его хотели отправить в город для продажи. Но в то время он уже был героем Верунькиных сказаний, и мы, узнав об этом, подняли странный вой и крик и объявили, что если Чукчу продадут, мы никогда не успокоимся и будем вечно выть и кричать. И Чукча остался и просуществовал всю зиму на совершенно привилегированном положении, так как мы с Верунькой постоянно возились с ним. Кормили его по-царски и даже отчищали грязь от его щетины.

И эта честь выпадала на его долю потому, что он сделался главным героем фантастических повествований Веруньки. В них он играл совершенно исключительную роль. Он собственно не участвовал в ее историях, которые происходили без него: в них действовали другие персонажи, взятые из наличного состава нашего двора. Но как только наступало какое-нибудь затруднение, когда герои почему-либо попадали в беду, из которой не было возможности спасти их, или просто Верунька зафантазировалась так, что уже не знала, чем кончить, — сейчас же являлся на сцену Чукча и все разрешал.

Помню эту классическую фразу: «Вдруг, откуда ни возьмись, явился Чукча...» И уж после этого я знал, что все придет к неизбежному концу. Для Веруньки он был очень удобен и важен и поэтому она страшно дорожила им...

Это было весной. Мы с Верунькой сидели около реки. Там лежал огромный длинный камень, который тоже играл важную роль в повествованиях Веруньки: отсюда, от этого камня отправлялась многие корабли с принцами разных цветов, и потом с ними случались необыкновенные приключения. Мы обыкновенно забирались на этот камень, глядя на ту сторону реки, где уже поднялся молодой зеленый камыш и вербы оделись в зеленые листья, а грустная ива окунула свои длинные, беспомощно опущенные ветки в воду, где робкая дикая курочка уже выбирала среди камыша место для своего гнезда и таинственный коростель от времени до времени издавал свои странные, сложные, загадочные трели. И Верунька с грустными глазами и таким печальным тоненьким голоском сказала мне:

— Слушай, Валюся, ты знаешь, что хотят сделать с Чукчей?

— А что с ним хотят сделать? — спросил я.

— Его хотят зарезать.

У меня мурашки пробежали по спине. Кто хочет зарезать Чукчу? И вообще разве можно зарезать Чукчу? Мне казалось это совершенно невозможным. Такого героя нельзя зарезать. Он сам всякого зарежет.

Но Верунька разубедила меня. Тайные силы, которые вообще играли важную роль в ее повествованиях, оказывались сильнее даже Чукчи. И вот они-то вооружились против него. Но это было сказочное объяснение, реальное же было гораздо проще и ужаснее. С тайными силами мы еще могли бы бороться при помощи Верунькиной фантазии, но бороться с отцом — это было уже нам не по силам.

А между тем Верунька рассказала мне, что судьба Чукчи решена именно отцом.

— Этого негодяя Чукчу надо к празднику заколоть... Сала у него, правда, немного, но зато колбасы из него выйдут хорошие. А то он распустился. Дети его избаловали, и он чуть не в гостиную лезет. Этакий невежа!.. Ты, Софрон, этак во вторник на Страстной неделе приспособи его.

«Приспособи» — какое это было жестокое слово!

— Но мы не дадим Чукчу! — сказал я.

— Как же мы не дадим его? Они гораздо сильнее нас, — возразила Верунька. — Софрон — это силач. Он одной рукой экипаж тащит...

— А мы начнем ныть и кричать! — предложил я. Но Верунька только горько улыбнулась.

А уж шла шестая неделя. Еще несколько дней — и Чукчи не станет. Его "приспособят". Мы еще не знали, каким образом нам это удается, но мы решили ни в каком случае не допустить этого.

Я не мог знать, что сидит в этой черненькой головке Веруньки, но я верил, что она непременно придумает, и потому был почти спокоен за судьбу Чукчи.

И дня через два после нашего разговора Верунька сказала мне:

— Я знаю, что надо сделать для Чукчи. Его надо спрятать.

— Как спрятать? Куда?

— Мы найдем... Вот пойдем-ка обойдем сад. Обшарим все уголки. Мы непременно что-нибудь найдем.

Сад был не наш, а помещичий. Он занимал десятин восемь земли. Это был очень старый сад, в одной своей части, которая примыкала к реке, совершенно запущенный. Там росли вербы, тополя, дубы. Внизу страшно разросся кустарник, сделавший эту часть сада почти непроходимой. Все тополя были сплошь унизаны вороньими и галчиными гнездами, которые, помещаясь там и здесь между двух ветвей, казались крупными черными плодами. Это было настоящее воронье царство.

Ранней весной они уже начинали копошиться в своих гнездах. Молодые, только прошлым летом рожденные, выбирали места и все лето занимались постройкой гнезд, чтобы в будущем году поселиться в них. Они огромной черной стаей улетали на поле за пищей, а перед вечером все возвращались к своим гнездами подымали неистовое галдение. Никто не мешал им здесь жить, они завладели этой частью сада и царили в ней. Их были тысячи, а может быть, десятки тысяч; с каждым годом число их возрастало.

Почем знать, если бы против них вооружились, может быть, они пошли бы войной! По крайней мере, в сказаниях Веруньки эти вороны и галки фигурировали в качестве крайне воинственного племени. Мы с Верунькой долго бродили по этой части сада, и тут-то фантазия моей сестренки почерпнула много нового материала для ее будущих сказаний, которые она сообщила мне потом, когда я приезжал домой из гимназии.

Наши обыкновенно чистенькие платья были испачканы, изуродованы, к ним, как и к нашим волосам, пристали колючки и прошлогодний репейник. Но мы были неутомимы. Казалось, все эти места были нам знакомы. Но оказалось, что мы встретили тут много нового. Особенно нас поразило дупло старого-престарого дуба.

Оно было до такой степени странно, что казалось, что не действительное, а созданное Верунькиной фантазией. Когда мы издали увидели его черную пасть, Верунька остановилась и сказала мне:

— Стой… вот он, Чукчин замок!

Я не без страха подошел к этому замку. Входная дыра была невелика, но за нею дупло расширялось и уходило куда-то в таинственную темноту. Очевидно, продолжение дупла шло вглубь земли.

Ни я, ни Верунька не решались спуститься туда, чтобы исследовать его размеры. Но мы были находчивы. Я взял длинную палку, отломав сухую ветку от этого же дуба, и при ее помощи произвел исследование. В самом деле, казалось, это был целый замок. Только с боков мы могли нащупать его стены, а в длину мы их не достали.

Ясное дело, что сама судьба посылала нам временное жилище для Чукчи. Задача была только в том, как закрыть вход, потому что иначе Чукча, разумеется, выйдет, выдаст себя и подвергнется жестокой участи.

И вот тут сказалась разница наших умов. Изобретательный по части фантастических планов, ум Веруньки оказался совсем непригодным для практической жизни. Неподалеку от дупла лежал камень, он был небольшой длинный и узкий. Я подошел к нему и попробовал сдвинуть его с места. Он подался.

Тут же близко лежал длинный ствол дерева, с которого от времени и дождей слезла вся кора. Он был не толстый, и я без пробы видел, что его нам вдвоем нетрудно будет поднять и перенести на другое место.

Сделали пробу: приложили камень к дуплу и придавили концом ствола, — и он отлично держался, упираясь в пень.

Верунька была в диком восторге. После того как замок был устроен, нам оставалось позаботиться о том, чтобы заманить в него Чукчу. Это было не так легко, но не так уже и трудно.

Прежде всего, мы натаскали в дупло целую гору ржаных сухарей и всевозможных съестных продуктов, а предусмотрительная Верунька принесла туда огромный горшок воды. Мы очень хорошо знали, что Чукче придется жить там несколько дней.

Что Чукча за нами пойдет в огонь и в воду, в особенности если показать из-под полы кусок ржаного хлеба, который он обожал, в этом мы не сомневались. Но ведь нужно было сделать это так, чтобы никто, ни одна душа, не видела, как мы будем увлекать его. Мы всячески приспособлялись, а дни проходили, и уже был понедельник Страстной недели. Это был канун того дня, который был назначен для гибели Чукчи. В этот день мы во что бы то ни стало должны были водворить нашего героя в его замок.

Чукча все время возился во дворе, переходя из одного его угла в другой. Мы видели, как вышел отец и, указывая на него, громко сказал Софрону:

— Так смотри же, Софрон, не забудь! Завтра и приспособи боровка!

У меня в запасе был изрядный кусок ржаного хлеба. Я давно уже издали показывал его Чукче, но глупец ничего не видел. Он ничего не чувствовал. Он не понимал, какая страшная судьба ожидает его, и преспокойно рылся своей круглой мордой в навозной куче, разыскивая там для себя всякое добро.

А день уже приходил к концу. Верунька решилась на крайнее средство. Она сбегала в дом,

взяла еще там немного хлеба и, приходя мимо нашего героя, показала ему хлеб и тихонько позвала его: «Чукча, Чукча!»

И герой наконец прозрел. Он увидел в ее руках хлеб и побежал за нею.

Как только он перешел грань сада, мы уже считали, что судьба его в наших руках. Здесь Верунька бросила ему свой хлеб, но его было так мало, что он только раздразнил его аппетит. Тогда я показал ему свой кусок — большой, обещающий ему много наслаждения, и мы со всех ног пустились с Верунькой по садовой дороге, а Чукча следовал за нами.

Но вот пошел уже кустарник. Мы перескакивали через него, но Чукча на каждом шагу встречал затруднения. Приходилось усиленно соблазнять его, чуть не к самому рылу поднося хлеб. И он с трудом поборол препятствия, но старался и все-таки двигался вперед.

Наконец, мы у дупла. И мы думали, что уже достигли нашей цели. А между тем мы в действительности только подошли к самому трудному моменту нашей задачи. Чукча тоже приблизился к дуплу, мы всячески старались загнать его туда. Он ходил вокруг дерева и внимательно обнюхивал его, но как только приближался к самому дуплу, его черная глубина видимо пугала его — и он отскакивал.

Между тем я боялся выпустить из рук хлеб, потому что это было единственное орудие, которым мы могли воздействовать на Чукчу. Я обманывал его, делая вид, что бросаю хлеб в дупло, он поддавался, но скоро убеждался в обмане. Мы приходили в отчаяние. При этом он довольно громко хрюкал, и мы боялись, что кто-нибудь, проходя по дороге, может услышать его хрюканье, и тогда весь наш план разлетится в прах.

Наконец я решился на героическое средство. Держа в руках хлеб таким образом, что Чукча все время видел его, я полез и дупло.

Холодная сырость сейчас же охватила меня, а темнота, которая была в глубине его, как бы грозила мне, напоминая те самые тайные силы, которые всегда играли такую важную роль в сказаниях Веруньки. И тем не менее я стойко продолжал свое дело.

— Чукча, Чукча!.. Милый Чукча! Экий же ты дурак... Поди ко мне, поди... — нежно говорил я, маня его хлебом.

Чукча колебался, он стоял у самого дупла и уже решился просунуть в него голову. Аромат ржаного хлеба сильно раздражал его обоняние. Он понемногу подвигался и, наконец, весь вошел. Тут уже все дело зависело от моей ловкости. Надо было отдалить его на задний план, бросить там хлеб, а самому с быстротой молнии выскочить. Должно быть, на меня снизошло вдохновение, потому что я проделал это прямо с какой-то гениальной ловкостью и притом смело, быстро и решительно. Чукча выхватил из моих рук кусок хлеба и остался где-то в темноте. Я стремглав вылетел из дупла, и в тот же миг дыра уже была закрыта камнем, а камень притиснут стволом дерева, другой конец которого упирался в пень. Из дупла послышался неистовый крик Чукчи. Он толкался мордой в камень, шевелил его, но напрасно. Замок был заперт на двенадцать замков.

В этот день наш подвиг не вызвал никаких осложнений. Но на другой день с утра началось волнение. Работник Софрон рассчитывал произвести свое приспособление с Чукчей на заре, пока еще все в доме спали. И он, проснувшись, когда все спали, начал разыскивать Чукчу, но нигде во дворе его не нашел. Он обошел все закоулки, побывал во всех сараях, на гумне, прошелся даже по саду, разумеется, в местах, доступных человеческой стопе. Но Чукчи нигде не оказалось.

— Что за напасть такая! — восклицал он вслух. — Запропастился боровок, хоть ты плачь.

Уже и мы проснулись и вышли во двор, и нас Софрон опрашивал, не видели ли мы где Чукчи, но мы, разумеется, делали изумленные лица.

Вышел отец. Поднялась целая история. Разослали рабочих по всей экономии, отец был крайне недоволен. А мы дрожали. В особенности когда кто-нибудь отправлялся осад, когда нам казалось, что вот-вот нападут на наш замок, и разом все наши ухищрения разоблачатся. Но никому и в голову не приходило заглянуть в ту часть сада, где царствовали вороны.

Может быть, Чукча и кричал в своем замке, но по утрам вороны так неистово галдели, что их голоса способны были заглушить гром пушек.

— Нет, это прямо чудо, — говорил отец. — Можно подумать, что этот негодяй понял, когда я при нем напомнил Софрону. Чего доброго! Недаром он постоянно вертелся среди людей.

Отец говорил, конечно, шутя, но факт исчезновения Чукчи как раз в тот день, когда его ожидала кара, казался таинственным, и в особенности рабочие придавали ему своеобразное значение.

— Животное понимает, — говорили они. — Оно даром что не знает слов, а чувствует, какая его ожидает судьба. Вот он и помандровал... Еще, может, и явится как-нибудь.

Но так как надежда по части колбасы к празднику была возложена всецело на Чукчу, а он надежды этой не оправдал, то пришлось послать на деревню и закупить колбас у мужиков.

И проходили дни. Мы, конечно, каждый день наведывались к дуплу. Мы тихонько подходили к нему. С одной стороны, мы боялись растревожить Чукчу, который, услышав шум, конечно, сейчас же догадался бы, что это мы. С другой стороны, нас тревожил вопрос, жив ли он. А вдруг как он не вынесет одиночества? Но, приставив ухо к дуплу, мы явственно слышали, что Чукча там шевелится и тихо покряхтывает.

В субботу мы сильно встревожились: нам показалось, что в дупле что-то уж слишком тихо. Тогда мы начали колотить палками в дуб. Но Чукча таким неистовым криком засвидетельствовал факт своего существования, что мы испугались. Даже в первый день он так громко не кричал. Очевидно, ему очень уж надоело сидеть в своем замке.

— Потерпи, милый Чукча, — говорили мы, — сегодня еще только суббота. Завтра ты будешь опять на свободе.

Да, уж в первый день Пасхи ни один человек не решится зарезать животное, да и не будет надобности. Колбасы куплены, на Чукчу нечего больше рассчитывать. И мы ждали первого дня.

Ранним утром, как только вернулись из церкви и разговелись, мы с Верунькой вышли во двор. Уже порядочно рассвело. Мы пошли к реке. Мы довольно далеко прошли по берегу реки и вошли в сад с той стороны, откуда никто в него не входил. После долгой борьбы с кустарником мы наконец подошли к дуплу.

Тихонько, затаив дыхание, мы принялись за свою работу. Верунька взялась за ствол дерева и, осторожно подняв его, отбросила в сторону. Я же отодвинул камень, и в ту же минуту мы оба спрятались за дерево. Чукча зашевелился в дупле, потом выскочил из него, перепрыгивая через кустарники, пустился по направлению к дороге, а затем исчез из наших глаз. Мы оба

замерли от восторга. Не подлежало сомнению, что мы спасли жизнь герою Верунькиных сказаний. Так же, как и прежде, мы вернулись сперва к реке, а оттуда домой.

Во дворе никого не было. На востоке уже начало подниматься солнце. Мы вошли во двор и видели, что с правой стороны двора, неподалеку от конюшни, в навозной куче преспокойно рылся круглой мордой Чукча.

Мы сделали вид, что не заметили, и пошли в дом. Но мы прислушивались и присматривались. Нам хотелось быть свидетелями эффекта, какой произведет появление Чукчи. И вот мы слышим в растворенное окно голос Софрона:

— Вот так чудеса!.. Эй, гляди!.. Чукча пришел… Откуда он взялся?.. Ах, ты, мошенник… Ведь какой хитрый… Знал, когда уйти и когда прийти.

Потом слышался голос кухарки Аксиньи, всплескиванье ее рук, восклицания изумления.

Вышел во двор отец.

— Да неужели пришел? — слышался его голос. — Ведь вот негодяй! Я говорил, что он слышал и понял. Ну, скажите, пожалуйста. Нет, он прямо замечательная свинья. Удивительная!.. Эй, ты, Чукча, ну что же ты ничего не рассказываешь, где же ты был?

А Чукча громко похрюкивал, протягивая свою морду ко всем, собравшимся и удивлявшихся ему, и шевеля своим кружком, что у него означало просьбу о пище и питье.

— Это он вас, пане, с праздником Воскресенья Христова поздравить пришел! — заметил Софрон.

— Ну, так дай жё ему за это ячменной похлебки. Да ржаных сухарей подбавь туда. Нет, он не глуп… Такого боровка прямо-таки жаль заколоть… Его на выставку надо послать. Он может медаль получить…

И вот что удивительно: отец никогда больше не возобновлял вопроса о том, чтобы к Пасхе или к Рождеству заколоть Чукчу. Он даже как будто боялся этого. А мы с Верунькой никогда никому не сказали о своей проделке, и благодаря этому Чукча долго жил на свете.

Царские писанки

Добрая изба у Саввы Багрецова, лучше всех на слободе. Жить бы в ней не простому мастеровому, а хоть бы боярину или дворянину. Крыльцо бочкой, в оконцах стекла, на высоком коньке прорезной флюгер, наличники как жар горят позолотой на весеннем солнце и пестреют ярко цветными разводами красок. Чего на них только нет: и цветы, и травы, и златорогие олени, и невиданные птицы…

А давно ли, каких-нибудь пять годов, на месте теперешнего палатного строения Багрецова стояла кривая, под соломенной кровлей, изба-поземка… И откуда же все взялось? Когда спросят об этом Савву, он всегда перекрестится сначала, а потом скажет:

— Да, все мне Бог послал вместе с «Христос Воскресе»…

Но как же это было? Ведь не сказка же это! Это только в сказках из ничего вырастают чуть не царские палаты. Какая сказка! Вот послушаем, что расскажут об этом думы самого Саввы… Кстати, собираясь в Кремль за Светлую службу, он стоит у переднего угла, где горят перед

иконами филигранные лампады, и думает о прошлом...

И уборно же в горнице у Саввы: широкие лавки по стенам крыты суконными полавочниками, на полу — чистые холщевые дорожки, а в углу, где обычно молится хозяин, — узорчатый самотканый коврик. Большой стол на точеных лапах крыт скатертью, отороченной золотной каймою. Ну, и сам хозяин под стать палатному убору: в суконном кафтане вишневого цвета, перехваченном шелковым кушаком, в юфтевых сапогах на подборах, высокий и стройный, молодец хоть куда, не глядя на то, что едва вышел из недоростков. Вот он прошел к крайнему окошку и заглянул на выметенный начисто к празднику дворик. Там стоит мшоный птичник, над ним — вышка для голубей. Все строенье новое и крепкое. Улыбается Савва, глядя на свое владение, и тихая дума разливается по его молодому лицу.

Смеркается. Уж едва золотится у края неба отблеск угасающего дня. Скоро и ночь спустится на землю, темная-темная, словно темнее всех ночей в году. Она окутает все непроницаемой тайной для того, чтобы к урочному радостному часу загореться и засверкать повсюду, по всей земле, от царских палат до бедной хижины, светлыми огнями.

Смотрит в окно Савва и думает свою думу. Вот в такой же вешний вечер, в Великую субботу, пять лет назад, вышел он с лубяной плетушкой в руках из своей избы-поземки, что стояла на месте нынешнего хоромного строенья. И не светлая радость преддверья Великого дня была у него на душе, а темная ночь. Нужда темнила радость: полуголодные сестренки, да мать, в лютой скорби лежавшая на глиняной битой печи, остались дома... И шел он не для того, чтобы ходить с посадскими молодцами по церквам и слушать, как читают «Страсти», а для того, чтобы стать на людном месте со своей плетушкой и продавать писанки своей работы. Авось кто, забывши припасти заранее, и купит, бросит убогому парню две-три медных деньги. А они куда как нужны на праздник! Дома один хлеб черный, нету даже и яичка, чтобы разговеться. Деревянные писанки своего дела хоть и куда красны — все в золоте, в резьбе и разводах — да ведь их есть не станешь...

Так шел Савва, мальчик-подросток, с Бронной слободы к Кремлю. Шел он в своем холщовом кафтанишке и думал невеселую думу, а кругом, весело переговариваясь, шли люди, загодя пробираясь к церквам, и несли для освящения завязанные в узелочки яйца и пасхи. Вот, помнит Савва, какая-то сердобольная женка по убогому наряду и по плетушке приняла его за нищего-побироху и опустила калачик ему в корзинку со словами: «Прими Христа ради». Не один раз и раньше за Страстную неделю, пока он стоял на уличных крестах в ряду вольных продавцов пасхальных яичек, посадские женки подавали ему кто калач, кто укрух хлеба, а кто и медную деньгу, и это стало ему за обычай. Одна беда: никто не хотел покупать у него писанок, хоть и были они, как говорили многие, «зело красны и добродельны». Брали у других размалеванные грубо, а его миновали, хоть и были они резаны немецким обычаем высокой резьбой.

Недаром отец покойный обучил его ремеслу, а был он мастер добрый, первый во всей слободе, и работал знатные штуки...

Так шел и думал молодой Савва Багрецов, вспоминая прошлое. А ночь все больше и больше надвигалась. Из открытых дверей храмов лился свет от множества свечей и полосами ложился на утоптанном уличном проезде. Все рогатки были открыты, — знамо, в эту ночь нечего бояться лихих людей, и они, чай, помнят о Боге...

Ближе к Кремлю народу стало встречаться больше. Он волнами приливал к воротам, толпился у них и потом пропадал в их темных проломах, словно поглощаемый ночью. Нищие и убогие, слепцы, калики рядами сидели у стен хоромных и церковных, протягивая руки к мимоидущим.

Посреди площади рядами горели костры и бочки, и красное полымя освещало белые стены. Тихий говор несся отовсюду, и в нем чуялось торжественное ожидание…

Савва шел мимо сидящих нищих, то и дело опуская руку в свою заветную плетушку, оделял их простыми крашеными яичками и мелкими деньгами: по себе знал он, что убогому человеку простое куриное яичко дороже красной писанки о Христове дне…

Так, оделяя нищих и убогих, дошел Савва до ворот Спасских, что слыли прежде Фроловскими. Высоко над ними поднялась башня, а в ней часы хитрого дела, что звонят и перезванивают не один раз на одном часе. Дальше — мост Спасский, с лавками по сторонам, а вот и поповский Крестец, всегда людный от снующих тут и там и сидящих на лавках и приступах крыльца тиунской избы безместных священников. Даже и теперь, в Святую Великую ночь, несколько их ходит на Крестце. Вот они обступили Савву и здравствуются с ним, величая Саввой Никитичем, не как пять годов назад, когда иного имени не было ему опричь Савки. Всякий так его кликал, а бывало еще и с добавкой — «страдниченок» или «страдненок»… Зато теперь послушай-ка, как честят Савву.

— Ах! Савва Никитич! Милостивец наш! Здрав буди на многи лета! Добро, службишку не надо ли справить на дому? Не побрезгуй нами, милостивец, позови! А мы про тебя служить рады…

— Нет, — отвечает Савва. — К утрене пойду в церковь…

А сам оделяет всех из своей плетушки и сует в руки деньги, доставая их из глубокой сафьянной кисы, привешенной у пояса под кафтаном. Они благодарствуют ему вслед, а он поворачивает к воротам и идет в Кремль. Гулко отдаются шаги его под высокой башней. Вот темный уголок в повороте стены. Там сидит безрукий нищий, прямо на голой земле, мерно кланяется одной головой и протягивает страшные обрубки рук… Наклоняется к нему Савва, а сам думает, что калека сидит на том месте, где пять лет назад, в эту же Святую ночь, стоял в рваном кафтанишке мальчик Савка, держа перед собою вот эту самую плетушку с изукрашенными писанками, и ждал прохожих, — не остановится ли кто, не купит ли его изделия. Но людям было не до него, все спешили в церкви и проходили мимо, не бросив на него взгляда. Он стоял, дрожа от холода, молился Воскресшему Христу и повторял временем, когда показывался прохожий:

— Христа ради, Христа ради…

Но вот совсем перестали показываться люди. Все кругом затихло… В Кремле стало светло, будто днем белым, от тысяч зажженных огней, и вдруг все дрогнуло от могучего удара в большой колокол с Ивановской колокольни. И загудела медными голосами вся Москва со всеми пригородами, слободами и Замоскворечьем… Радостное, торжественное пение понеслось со стороны кремлевских храмов. Губы Савки невольно завторили ему заветными словами: «Христос Воскресе! Христос Воскресе!» А кругом и зубцы седых стен, и звезды в темном небе, и все, даже самый воздух, чудилось, зашептало ответно: «Воистину Воскресе!»

Долго стоял он так, один-одинешенек, в углу у кремлевской стены и молился. Но вот стали догорать и гаснуть один за другим праздничные костры и смоляные бочки. Кругом снова сделалось темнее.

Несколько стрельцов с бердышами на плечах пробежали, озираясь по сторонам. Человек шесть стали у стен невдалеке от Савки. Не приметила его стража в его темном углу… Но что это за чудо? Великая толпа людей в светлых одеждах идет сюда, к воротам, словно крестным ходом. Да нет, крестный ход не бывает в эту пору… То не крестный ход, — нет ни икон святых, ни

креста, только впереди двое мальчиков в белых, серебром шитых, кафтанах несут прорезные фонари. За ними старики какие-то, уставив в землю длинные седые бороды, неслышно двигаются, еле переставляя ноги, еще несколько людей, а тут двое под руки ведут кого-то… Он высоко держит голову, и глаза его сияют ярче самоцветных камней драгоценного оплечья…

Савва вспомнил, как он зажмурил глаза, словно от нестерпимого света, и невольно опустился на колени, протянув вперед себя свою плетушку с писанками. В то же время губы его как-то мимовольно, сами собой, выговорили слова:

— Христос Воскресе!

Дрогнули передовые старики и остановились. Стал и человек в сверкающей шубе, которого вели под руки, и ясным, радостным голосом сказал ответно:

— Воистину Воскресе!

И все кругом, сколько тут ни было народу, один перед другим заговорили:

— Воистину Воскресе! Воистину Воскресе!

И опять казалось Савке, что и седые стены, и звезды в высоком небе, и самый воздух повторяют эти слова.

А там было словно во сне… И теперь Савва Никитич, вспоминая пережитое, не знает — было ли то наяву или в сонном видении? Человек в сверкающей шубе, с крестом на груди, — сам царь, как догадался теперь мальчик, — склонился над плетушкой Савки и, взяв одну из писанок, молвил:

— Красны твои писанки, человече! Вельми добродельны… И божественные слова резаны лепно. Своего ли дела?

— Своего, — еле смог ответить Савка.

Государь передал писанку стоящему рядом человеку, а тот, приняв ее с низким поклоном, подошел к Савке и из большого кошеля высыпал в его плетушку целую горсть серебряных денег.

Двинулся вперед царский милостивый ход, а к Савке, толкая один другого, стали подходить люди. Они брали его писанки и клали на их место серебряные деньги.

Скоро разобрали все до единой, и многим еще не хватило. Тогда какой-то боярин стал просить принести ему на дом и спросил, где живет Савка.

С этого и пошло. Писанки его прослыли «царскими». А теперь, вот уже пять лет, как нет Савки. На месте его на слободе в добром достатке живет с матерью и сестрами молодой мастер Савва Никитич. Он искусно работает утварь хитрого дела для многих бояр, а к Светлому Христову дню едва успевает для всех приготовить своих писанок. Неизменно приносит он их и к царскому двору.

Опорожнив свою плетушку дачами нищим и убогим, Савва отдал ее поберечь приворотной страже, а сам пошел к Чудову монастырю. Скоро ударят к утрене… Уж в Кремле на площади светло от огней. На ходу Савва, вспоминая прошлое, повторял про себя:

— Да, истинно, все мне пришло вместе с «Христос Воскресе»…

Яичко

В Великую Пятницу собрались детки в кухню, около печки, в которой шипит, кипит, бьет белым ключом вода в горшке, а в воде лежат, варятся, красятся, бережно завернутые, тщательно закутанные, пасхальные яички.

Я знаю, что мое будет лучше!.. Ты вот увидишь! — говорит толстенькая, пухленькая, но страшно нервная Маша.

Ну, мы еще будем посмотреть! — говорит худенький Ваня, брат ее.

А Петя ничего не говорит. Он просто сидит тут же в кухне. Он думает, что ему стыдно заниматься такими пустяками, как крашенье яиц. Он ведь в четвертом классе классической гимназии! Однако удержаться от того, чтобы посмотреть, как красятся яйца, и он не мог. Искушение это он, впрочем, оправдывал тем, что он здесь в качестве эксперта и решителя, чье яйцо будет лучше: Маши или Вани?

Ваня не долго задумывался над своим яйцом. Он выпросил у тети ярких шелковых лоскутков, надергал из них шелчинок и, обернув в них яйцо, завертел его в тряпки, обмотал черным шелком и опустил в горшок.

Другое дело было с яйцом Маши. Она хотела похристосоваться этим яйцом с дедом, с милым «дедой», который очень ее любит, всегда в каждый праздник дарит ей такие прекрасные игрушки.

И вот она все придумывала, как лучше выкрасить яйцо. И наконец порешила спросить у всех, и у горничной Даши, и у выездного Егора, и у прачки Алены, и у кухарки Степаниды, и у тети, как лучше выкрасить яйцо. Горничная Даша сказала ей, что хорошо красят лоскуточки, и когда тетя дала ей лоскутков, то сама Даша нарезала их мелко-намелко.

Егор-выездной посоветовал красить шафраном.

— Ровно золотые будут яйца-то, — сказал он.

Прачка Алена посоветовала красить луком.

— Лучными перьями… — сказала она. — И дух такой хороший от воды будет, — сказала она.

Кухарка Степанида научила взять сандалу: синего, красного, всякого…

— Сварить, знашь, его, и опустить туда яички… А то можно

просто обсыпать сверху яичко, обвязать тряпочками и так спустить в горшок… Страсть хорошо выходит!

Наконец, тетя посоветовала просто выкрасить березовыми листьями, причем сказала, что получаются хорошенькие зеленые яйца.

Маша все это приняла к сведению и, обложив яйцо лоскуточками, обсыпала сандалом, шафраном, обложила лучными перьями и березовыми листьями, обвязала тряпочками и

спустила яйцо в горшок.

Ваня сильно потешался над таким методом…

— А ты бы, — говорил он, — еще и солью посыпала — авось они лучше выкрасятся… или щепочек бы набрала.

А Петя даже сделал пренебрежительную гримасу, которую он всегда делал, если видел что-нибудь бестолковое и несообразное.

Когда варились яйца, то все принимали в них участие и даже Егор-выездной заглянул, как они варятся, и осведомился: положили ли шафрану? Но когда вода уже с полчаса варилась, то все отошли и детки остались одни… И чем сильнее варились яйца, чем бурливее кипела вода, тем серьезнее и сильнее задумывалась Маша. Она даже немножко побледнела.

— Что-то Бог даст! — думала она. Будет ли хорошо яичко

моему «деде»!

И вот пришла кухарка Степанида… Заглянула в горшок глазами «сведущего человека», спросила, сколько они варятся, и порешила, что пора их вынимать… Горшок вынули, поставили на стол… и собрались все — даже тетя пришла посмотреть, как выкрасились яйца и чье яйцо будет лучше.

Кухарка Степанида предварительно положила оба яйца в холодную воду — на самую короткую минутку, — потому что все горели нетерпением посмотреть скорее, как выкрасились яйца.

И кухарка Степанида, наконец, начала развертывать их. Яйцо Вани развернули первым: оно было отмечено красной шерстинкой.

Что же было это за яйцо! Просто прелесть!.. Бледно-серое, сиреневое и по нем шли узоры в тон, жилки синеватые и темно-малиновые. Одним словом, это было самое изящное, мраморное яичко… У Маши сердце почти не билось. Руки дрожали в ожидании появления ее яичка. Наконец развернули и его. Оно вышло все темно-малиновое, с неправильными угловатыми крапинками, точно порфировое. В некоторых местах, где были приложены чистые березовые листочки, так они и отпечатались; но вот какая вышла игра случая, а вы, вероятно, знаете, что нет в целом свете такого прихотника, который мог бы поспорить в этом деле с прихотливым случаем. Как раз на самой середине яичка вышел крест. Небольшой, неправильный крестик, но, тем не менее и Степанида, и Даша, и Алена, и даже тетя ахнули, когда его увидали, а Алена даже перекрестилась.

А вышел крестик очень просто. В числе березовых листиков Маша, заторопившись, чтобы скорее завернуть яичко, положила целую веточку, с четырьмя листиками. Три листика прилегли так, что один смотрел прямо вверх, а два листика отвернулись от него в две стороны: направо и налево; четвертый же листик отогнулся, и почти прямехонько смотрел вниз. Все это было достаточно криво и неуклюже, но все остальное дополнялось воображением и крепкой верой… как говорила Алена, в то, что «Господь умудряет младенцев и руками их кладет славу Свою». И все с каким-то благоговением смотрели на яичко, а горничная Даша, вручая его Маше, даже сказала:

— Смотрите, барышня, не разбейте! Это святое яичко…

Неудивительно после этого, что и сама Маша смотрела на это яичко с благоговейною

радостью. Даже Ваня примолк перед этим яичком и конфузливо показывал всем свое простое серое, мраморное яичко...

В Великую субботу Маша провела в волнении. Во-первых, она не могла придумать, куда бы положить свое дорогое яичко. В комод? Пожалуй, кто толкнет его и яичко разобьется, или Даша в нем рыться станет, да выронит, с бельем, и яичко.

Положила его к себе за пазуху; но, продержав с полчаса, она вдруг чувствует, что яичко сильно нагрелось. Ну, а вдруг, думает она с ужасом, от теплоты крестик испортится и вся краска сойдет с яичка? Она вынула его, бережно поцеловала и ходила все время взад и вперед по комнате, держа его в руках и не спуская с него глаз. Она даже хорошенько не позавтракала и не пообедала от волнения...

Вечером, когда начало уже смеркаться, в кухню пришел старый дедушка Михей. Все дети знали его и тотчас же закричали на весь дом: «Лысый Михей пришел, Дедушка Михей - стой у дверей»!

Кличку ему дали потому, что он обыкновенно стоял у дверей, как его ни усаживали, и уверял, что он так и прозывается: «Дедушка Михей - стой у дверей!»

Михей был очень стар; ходил он чистенько, но весь в заплатах, так что, кажется, не было места на его худеньком кафтанишке, на котором бы не сидела какая-нибудь заплатка — и даже трудно было сказать, какой цвет был у этого кафтанишка: не то серый, не то синий, не то бурый...

Дедушке Михею обыкновенно все давали что-нибудь, когда он приходил в дом.

На этот раз он привел с собой маленького внучка, мальчика лет 8-ми или 9-ти; но на взгляд ему никак нельзя было дать более 4-х или 5-ти лет: так он был миниатюрен. Крохотное его личико смотрело так покорно и тоскливо, большими голубыми глазами, а белые волосы, коротко обстриженные, так гладко, шелковисто прилегли к маленькой головке. На нем была вместо шубки, старая шубейка, в которой заячий мех был весь вытерт — да и сама она также выглядела «мраморным яичком» под пару дедушкиному кафтану.

Детки потому любили «дедушку Михея», что был он балагур, сказочник. Когда он приходил, то не только дети, все люди, но даже Егор-выездной приходил слушать «дедушку Михея».

Был он крепостной еще прадедушки, деда Маши, и хотя его и всю семью его отпустили на волю, но, по старой привычке, он всегда входил со страхом и трепетом в палаты его прежних господ.

— Ну, что «Михей - стой у дверей?» — осведомился Егор выездной. — Зачем пожаловал?.. К празднику подачка понадобилась?

— Какая подачка, Егор Михайлыч? Нужда заставляет. От места-то мне отказали...

— От какого места?..

— А ведь я всегда на масляной и Святой на балагане Малахаева «дедку» изображал...

— Ну!

— А теперь вот отказали. Говорят — голос у тебя слаб стал. Публика жалуется, не слыхать ничего… Что же, думаю… милостыню просить?!..

— Да ведь ты сапоги прежде ковырял?..

Дедушка Михей улыбнулся и махнул рукой.

— Все во тьме ходим, а я пуще. Ничего не наковырял! Каки сапоги?.. Глаза не видят… Вот теперь не знаю, как Праздник Христов встречать будем… Дочурка Машурка хворает… Везде к Празднику готовятся, а у нас на Велик день и есть нечего… Вари густо — не будет пусто! Нет ничего… Голодна кума, что денежна сума, придет сама, сведет с ума. Надень котомку, ступай вдогонку!.. Значит за счастьем…

Все обступили дедушку Михея, все слушали, а впереди всех Маша со своим «святым яичком».

— Вон, — говорит дедушка Михей, — барышня-красавица уж яичко нарядное приготовила к праздничку, а у нас внученку-Васенку нет яичка!.. Где укупишь?! Ныне не то что головка, а оборыш, с духом — и тот по грошу яйцо… А крашено, так по пятаку дашь…

А внученок-Васенок стоял и пристально смотрел, ухватив обеими ручонками свою шапочку, смотрел на Машу — и она казалась ему «ангельчиком».

И Маша смотрела в его большие голубые глаза, и сердце у ней сжималось, на глаза навертывались слезы и какой-то голос шептал: «Отдай ему яичко, отдай! Деда может купить яичек, а ему купить не на что… Он бедный мальчик — у него нет ни грошика, ни копеечки, для Светлого Христова Воскресения».

Наконец что-то точно потянуло ее из всей силы к внученку-Васенку. Она быстро подошла к нему и, протянув ему Яичко, сказала отрывисто, не глядя на него: «На тебе!..»

И тотчас же отвернулась, все покраснела и, заплакав, выбежала из комнаты.

Все ахнули, а прачка Алена даже всплеснула руками и вскричала:

— Ах, матушки! Это Христово-то яичко!.. Отдай, мальчуган!.. Сейчас отдай!.. Я тебе лучше красное, золотое дам…

Но мальчугану, очевидно, захотелось иметь именно это Яичко с крестиком, которое красила Маша. Он бережно засунул его за пазуху, а другой рукой ухватился за пестрый кафтан дедушки Михея и спрятался в его складках.

— Это святое-то яичко отдала! — изумлялась Даша. — Ведь это значит счастье из дому унести… И она так свирепо посмотрела и на Васенку, и на его деда, а сама подумала про себя: «Вот шляется, попрошайничает, балагур поганый!»

А между тем Маша прибежала в детскую, уткнула нос в подушку и плакала, плакала…

III

И сама она не понимала, отчего ее слезы льются так неудержимо. Было ли ей жаль этого хорошенького мальчика, или жаль ей было ее доброго, милого «дедуню», которому теперь нечего будет ей подарить? А когда ушел «дед Михей-стой у дверей», то прибежали Ваня и Петя и начали ее корить, называть глупышкой, которая променяла дедушку на какого-то

мальчишку.

Наглумившись вдоволь, братцы предоставили ее собственному горю… Маша до того плакала, что разнемоглась; принуждены были позвать дедушку, и рассказали ему все, что случилось. Дедушка послал за домашним доктором, а своему камердинеру велел отыскать деда Михея и во что бы то ни стало выкупить яичко его внучки. При этом он разрешил подарить деду Михею на праздник десять рублей.

Но выкупить яичко оказалось не так-то легко. Мальчик не хотел ни за что его отдать. Наконец, кое-как обманули ребенка и увезли яичко.

Дед уже спал, да и внучка также заснула. Ей стало легче. Деду отдали яйцо только по утру, в Светлое Христово Воскресенье. А он тихохонько, на цыпочках подкрался к спящей еще Маше и положил ей яйцо на столик, а через час, когда она проснулась, дед вошел к ней и, подавая ей огромное яйцо, в котором был запрятан целый кукольный гардероб, сказал: «Христос воскресе!»

Маша начала его целовать и, всхлипывая, едва могла выговорить, что яичко свое она подарила внученку-Васенку!

— А это что же? — спросил дед и указал на яичко.

Маша взглянула и остолбенела…

Вечером у Пети с его старшим братом, Николаем, его товарищем, гимназистом и дедом завязался длинный спор.

Дед уверял, что это лучшее, что есть в человеке: всегда следовать первому сердечному порыву.

— Она, — говорил он про Машу, — отдала мальчику все, что ей было в ту минуту дорого… Это высокая черта!..

— Таким образом, — возражал товарищ Николая, — вы противоречите первому этическому закону Спенсера…

— Какому, какому закону?! — допрашивал дед.

— А закону, по которому совершается развитие всех этических, т. е. нравственных явлений…

— Какой-такой закон! Какой закон! Никогда не слыхал!.. — признавался дед.

— По этому закону… — объяснял докторально гимназист… — всякое элементарное, этическое явление уступает место следующему, более разумному…

— Не слыхал, не знавал и знать не хочу ни ваших этических законов, ни вашего Спенсера, — прерывал дед… — Сердце мне говорит, что хорошо и что дурно и для меня довольно!.. И я всегда следовал и буду следовать этому указателю…

Но Николай снова сворачивал спор на закон Спенсера и доказывал так основательно, дельно, длинно и скучно, что, наконец, дед преспокойно заснул в своем громадном, покойном кресле.

Звонарь

I

Федя — десятилетний мальчик.

Учится в гимназии и живёт в чужой семье только первый год. И к Пасхе успел до слёз соскучиться по родному дому.

Уже на четвёртой неделе Великого поста дни стали казаться Феде неделями; на пятой — месяцами, а на шестой — целыми годами.

Прошёл первый год — понедельник, второй год — вторник, третий год — среда. На четвёртый год — в четверг — распустили гимназию. И Федя до самого вечера сидел на скамейке около дома, ждал отца.

Отец должен приехать вот по этой улице из-за поворота. Сначала покажется голова Бурого, потом — дуга, сани низкие и широкие, наконец — отец в шубе, немного сгорбленный, с небольшой бородой, в мохнатой шапке… Всё это Федя так хорошо знал, что стоило ему закрыть глаза, как он видел и лошадь, и дугу, и отца. Открывал глаза, и видение пропадало.

Федя играл с мальчиками в бабки, бегал на поворот улицы, где стоял полицейский, смотрел на другую улицу… Всё ждал и не хотел идти в комнату.

Нет и нет.

К вечеру измучился Федя.

Вышел посидеть на скамеечку в старом меховом пальто дедушка Василий Игнатьевич.

- Ты что здесь сидишь, Федя? Всё отца ждёшь?.. Иди, Надя тебя ждёт чай пить. А ночью и отец твой приедет.

Василий Игнатьевич — вдовец. Живёт со своей дочкой Надей. После смерти жены, Надиной мамы, сразу постарел, службу бросил, сидел постоянно дома, читал газету или книжку, а по вечерам учил с Федей и Надей уроки.

Надя с Федей — однолетки. Им по десять лет. Но Надя в доме хозяйка. У неё большая, тугая коса на спине, ключи от шкафов. Она вынимает из шкафа и даёт Феде конфетку, пряник.

Когда Федин отец привёз Федю в город, то так и сказал Наде:

- Вот Вам, Надежда Васильевна, мой Федя. Поберегите его.

Если Надя с Федей ссорились, то Федя язвил и называл Надю хозяйкой, Надеждой Васильевной.

А у Нади для Феди была дразнилка:

Федя-бредя

Съел медведя.

Упал в яму,

Кричал маму:

«Ма-а-а-ама!»

Жить Феде было хорошо: уютно, любовно, как в родной семье. Василий Игнатьевич его любил и ласкал как отец. Надя, сама ребёнок, а о Феде заботилась, и была ему заместо старшей сестры. Они ссорились и мирились, ходили в гимназию, учили вместе уроки, мечтали.

II

Василий Игнатьевич оказался пророком. Федин отец приехал ночью, часов в десять, и говорил, что надо выехать из города раньше, потому что соседняя балка налилась тающим снегом, того и гляди потечёт и задержит в городе на несколько дней. А по морозцу проехать можно.

Василий Игнатьевич с Фединым отцом пили чай, а Федя с Надей собирали Федины вещи. Федя без умолку рассказывал Наде о маме, о своём селе, братьях, сёстрах, о бабушке, о Буром.

Бросили укладываться и побежали здороваться с Бурым.

Бурый жевал сено и покосился на детей большим, чёрным глазом, фыркнул и тряхнул ушами. Дескать: "Здравствуй, гимназист! Поди, соскучился здесь?"

Федя засмеялся от радости и поцеловал Бурого около глаза, где от жевания поднимался и опускался какой-то шарик. Бурый мотнул головой и хапнул ртом новую пачку сена. Дескать: "Не привык я к таким нежностям, да и есть хочу до смерти".

- Бурый, он умный! — убеждал Федя. — Он такой умный, всё понимает, вот только говорить не умеет. А ещё у нас есть Валетка, вот тоже умный! Смеётся и мёртвым притворяться умеет. А ещё кот большой, Гурма... Гурма, тот уж совсем умный. Его даже Валетка боится...

И опять Федя без конца рассказывал Наде о своём доме.

Надя помогала укладывать Феде книги и бельё и завидовала, что у него будет такая весёлая Пасха. Ей стало досадно, что противный Федюк — такой весёлый и всё рассказывает только о себе, да о своём доме. Она встала, бросила книжку на стол и, прищурившись на Федю, сказала:

- Некогда мне тут болтать с тобой. Нужно по хозяйству.

Надя обиделась — это ясно. Федя бросил на пол бельё и побежал за Надей.

- Надя, Надя! Голубушка, душенька! Ты сердишься, Надя? За что? А ты не сердись, Надя, миленькая...

Надя посмотрела на разгоревшееся Федино лицо, с умоляющими глазами, и ей стало радостно, весело и смешно. Она засмеялась до слёз и крепко сжала Федину руку.

- Да я не сержусь, право не сержусь, глупенький... Пойдём укладываться.

Дети снова укладывали вещи. Болтали.

- Хорошо бывает на Пасху ночью, — мечтала вслух Надя. — Тихо на улицах. Все сидят и ждут. И вдруг: бом-м-м.

- Бом, бом, бом! — радостно подхватил Федя.

- И знаешь, Феденька, ударит так, точно с неба упадёт: бом-м-м! И все зашевелятся. Кто спал — проснётся, кто сидел — встанет... Даже Мурка наша проснётся и давай умываться лапкой. Весело так, хорошо. Всем скажет колокол, всем, всем... Бом-м-м!

Федя, надувая красные щёки, гудел перед Надей:

- Бом-м, бом-м!

- Хорошо бы, Федя... Вот бы хорошо!..

- Что хорошо?

- Хорошо бы!.. Ударить... Знаешь, первый раз ударить в колокол... Чтобы все услыхали!.. Весь город спит. На Волге и за Волгой тихо-тихо. А ты стоишь на колокольне и смотришь кругом. Все ждут, а ты стоишь и за язык колокола держишься... Ах, Федя! Понимаешь, как это хорошо!.. Люди внизу ждут, а ты — наверху, около звёзд, держишься за колокольный язык. И вдруг: бом-м-м! Все вскочат, все обрадуются. Феденька, вот хорошо бы ударить! Да нет, где уж...

- Надя! Я могу. Милая, я ударю!

- Где тебе... — не поверила Надя.

- Ударю, ей-Богу ударю! Первый ударю!.. У нас в селе сторож церковный, Родивон. Он меня возьмёт, и я ударю.

- Как хорошо, Федя!.. Только я не услышу, — опечалилась Надя. — От вас далеко до нас...

- А ты, Наденька, ухом к земле. Вот и услышишь. Через землю далеко слышно, за сто вёрст слышно... Я ударю, я ударю!

Надя с Федей взялись за руки и кружились около раскрытого чемодана с Фединым бельём и звонили вместе:

- Бом-м, бом-м, бом-м!

Федя таращил глаза и надувал щёки, думал, что звонит басом. А Надин голос тянулся ровный и звонкий как нежная струна.

Потом Федя трезвонил над головой невидимыми маленькими колоколами.

- Тилим-бом, тилим-бом, тилим-бом.

- Бом-м, бом-м, бом-м! — вторила тягучими, важными ударами Надя.

III

Рано утром Федю сонного посадили в сани.

Поехали. Улицы города пустынны и звонки. Чистый, холодный воздух и шуршание ледяшек под полозьями разбудили Федю. И пробуждение это было радостное, счастливое.

Домой, домой!

Тут только вспомнил Федя, как его одевал Василий Игнатьевич, как встала и прощалась с ним Надя и шепнула на ухо:

- Так ударь, Федя, зазвони! Слышишь!..

«Милая Надя! — думал Федя. — Да, да, я ударю, я зазвоню!»

На минуту ему стало грустно, что нет Нади, что он прощался с ней сонный. Но это только на минуту. Очень радостно было, и никакая печаль не могла завладеть душой.

Выехали за город. Хрустит подмороженная дорога. Весело фырчит Бурый. На востоке кто-то большой кистью проводит зелёные, синие, розовые полосы. Уже чирикает невидимая ранняя птичка. А из города вдогонку несётся неторопливый постный звон.

«Я ударю, Надя! Ударю, милая! Я зазвоню», — говорит Федино сердце и радостно бьётся.

С восходом солнца стало ещё веселее. Дорога сразу обмякла. Под ледяными стёклами забуровили ручейки. Подул тёплый вешняк, и деревья радостно замотали талыми ветвями.

На перелеске, около дороги, осела стая грачей. Они только что прилетели из тёплой страны, ещё не успели разместиться, бранились и дрались из-за прошлогодних гнёзд.

Грачи привели Федю в восторг. «Весна, весна!» — кричал он, каркал по-грачиному и махал руками точно крыльями. Спрыгнул с саней и бежал вместе с Бурым. Отбегал в сторону и с разбегу кидался в сани. Отец любовно ворчал на Федю, боялся, как бы он не провалился в яму с талым снегом.

И Феде казалось, что всё кругом звенит тихим, радостным звоном. Ветерок звенит, земля звенит, голубое небо звенит, и в душе у него так радостно, хорошо звенит Надин голос:

- Бом-м, бом-м!

Но всё теперь звенит пока тихо. А вот, когда Федя ударит в Пасхальную ночь первый раз в большой колокол, тогда громко зазвенит вся земля, загудит небо, проснутся леса и реки, поля и балки, загудят Феде хвалу:

- Федя, спасибо тебе, ты зазвонил. Ты разбудил нас от зимнего сна.

Заструился светлый пар над землёю. Из-под снега тёмными пятнами проступила мокрая земля. Недалеко от дороги большой холм, весь чёрный и на верхушке сухой. Федя побежал туда.

От холма поднимался густой пар, будто он в середине горел и весь дымился. На солнечной стороне пробилась и зазеленела травка, и — о, радость! — появился белый подснежник. Федя посмотрел на сани. Отец не видит. Быстро нагнулся, опёрся руками в жирную землю и поцеловал белый цветок... Как он любил этот маленький, нежный цветок и зелёную траву! Как рад был он солнцу, синему небу, маленькой птичке, которая летала с былки на былку и чирикала весеннюю песню.

IV

Дома Федя и оглянуться не успел, как пришла Пасха. Дома надо было осмотреть каждый уголок: сходить к Бурому в конюшню, к коровам и овцам в хлев, в курник к курам. Надо

заглянуть и в амбар, и на огород, сбегать на речку, к знакомому сапожнику, к товарищу Митьке — мало ли дела!

Всюду Федю провожал Валетка. Раньше этого Валетка никогда не делал. Он ходил только с Фединым отцом, с матерью. Федей пренебрегал. А теперь Федя — гимназист, гость из города! Валетка бросил свою важность и, почтительно помахивая хвостом, следовал за Федей и в амбар, и в курник, и в хлев.

Коровы пялили на Федины светлые пуговицы выпуклые глаза и от изумления прочищали языком ноздри. Овцы испуганно топали ногами и шарахались в кучу. Валетка звонко позёвывал, отворачивался и лениво рассуждал хвостом:

- Чего, Федя, смотреть на них: невежественные овцы... Мужичьё... Навоз. Пойдём лучше на реку.

Бежали на реку. Речушка потрескалась и вздулась. Вот-вот тронется. По ней уж никто не ходит и не ездит. Берега обсохли. На них по вечерам сидят парни, девки, старики. Ждут полой воды.

Но между всеми этими делами и заботами Федя не забывал Родивона-звонаря. С ним он целую неделю ведёт переговоры:

- Только один первый раз ударю, Родивон! Один раз я, а потом ты...

Родивон — мужик на вид мрачный, скуластый, сухощавый. Борода у него редкая и жёсткая как лошадиный хвост. Лицо всегда покрыто тёмными веснушками, будто вымазано чёрной зернистой икрой. Он не отказывал Феде, но ни разу и не сказал, что согласен.

Так тянулось до самой Страстной Субботы. Нетерпение Федино возросло до крайности. Он и во сне и наяву слышал Надин голос:

- Ах, хорошо бы, Федя, зазвонить!

И в ушах у Феди всё время был какой-то звон. Звенел вечер, звенело утро. Целый день звенело солнышко, звенела река. Точно первый раз в своей жизни он встречал весну, — так всё хорошо, радостно и звонко было на душе.

Только вот Родивон беспокоил.

Наконец Федя решился на последнее средство. У лавочника, Кузьмы Иваныча, купил восьмушку волокнистого табаку и пошёл к Родивону.

Но в страстную субботу переговорить с Родивоном было трудно. Он целый день занят в церкви, у священника в доме. Куда-то ездил, ходил и только к вечеру пришёл в свою сторожку, сел на жёлтую, сырую после мытья лавку, свернул и закурил цигарку, пуская дым сквозь жёсткие усы.

Вот тут-то и настиг его Федя.

- Родивон... Вот я тебе... на праздник табачку купил...

Федя положил восьмушку на стол и густо покраснел.

- Это хороший табак, Родивон, асмоловский волокнистый...

Под тёмными веснушками Родивоново лицо затеплилось лаской.

- Так вот, Родивон, ты на Пасху и покури, душистого табачку, асмоловского... А махорка вонючая... Покуришь, Родивон? А?

- Ну, ладно уж, ладно... — сказал, наконец, Родивон.

- Можно, Родивон, да?

- Можно.

Федя ликовал. Залез к Родивону на колени и целовал его в жёсткую бороду.

- Ты погоди, рано ещё христосоваться-то, — шутил Родивон.

- Как же мне, Родивон, с тобой на колокольню попасть?

- Ты ночь-то уж не спи.

- Нет, Родивон, какой тут сон!

- Так вот и приходи сюда около полночи. Вместе и пойдём.

V

Сильно билось Федино сердце, когда он поднимался с Родивоном по крутой лестнице на колокольню. Сделали два поворота — площадка. Они уже вровень с крышами домов. И светлее стало. Ещё два поворота — опять площадка.

Родивон идёт молча и только изредка творит молитву.

- Господи, помилуй, Господи, помилуй!

Феде жутко смотреть в тёмные углы колокольни. Завозится и закурлычет спросонья в гнезде голубь — Федя так и вздрогнет.

- Родивон, подожди минутку!..

Чем выше поднимались, тем шире и звонче становилось у Феди на сердце. Родивон вылез на площадку. Вот и Федя выглянул.

Посреди верхней площадки на толстом кресте из брёвен висел тяжёлый призывный колокол. А вокруг него по оконным пролётам развешаны другие колокола поменьше.

Так вот он какой большой колокол, этот Божий глас! А снизу, с улицы, он видится совсем маленьким. Одутлые, засиженные голубями, бока, тяжёлый язык с верёвкой... Дотронулся Федя пальцем до толстого края, — по всему колоколу побежал шёпотком тихий звон.

Жутко и сладостно.

Родивон облокотился на подоконник и смотрит на село.

Длинными рядами расползлись по снегу чёрные дома, мигают красными глазами-окнами. Феде кажется, что все дома смотрят на колокольню, на Федю, и ждут.

Шуршит льдинами река. Ворочается подо льдом, поднимается, выпирает наверх, на берега, тяжёлые льдины. Вот-вот тронется и потечёт. Но и река ждёт, когда Федя ударит.

Вокруг колокольни носится, вьётся звонкий шорох, Будто кто шепчется, целуется, летает вокруг. Это ангелы летают у крестов, в окнах над головами Родивона и Феди, над колоколами. Дотронется ангел крылышком до колокола, — зазвенит колокол ласковым шёпотком.

Ждут все люди, ждут поля, леса, ждёт Надя... Федя, скоро ли ты ударишь?

А у Феди от нетерпения дрожь по всему телу идёт.

- Скоро ли, Родивон? — шепчет Федя.

- Надо вдарить! — говорит Родивон. — Вон батюшка лампу на окошко поставил. У нас с ним уговор: когда он лампу на окошко поставит, значит — пора.

Радостно задрожало Федино сердце. Обвилось холодком. Родивон снял шапку, перекрестился трижды и сказал: «Господи, благослови!»

- Ну, звонарь, звони! — шутит Родивон.

Федя взялся за верёвку и начал раскачивать язык. Сначала трудно было: язык тяжёлый, неповоротливый. А потом раскачался -- не остановить. Вот уж до краёв долетает.

- Надя! Слышишь ли, милая Надя?..

И вдруг:

Бом-м-м-м!..

Федя выпустил верёвку и упал на пол от неожиданности. Такой большой, могучий и оглушительный родился звук.

Разломилась пополам тишина. Загудело всё село. Зазвенело поле, гулко зазвучал далёкий лес. Всё радостно задрожало, запело, заговорило:

- Федя, спасибо тебе, ты ударил! Ты разбудил!

А Родивон подхватил верёвку и начал звонить часто, радостно:

Бом, бом, бом, бом.

В восторге мальчик вскочил и упал грудью на подоконник.

Задвигались в селе огоньки. Кое-где по улицам показались чёрные комочки. Это — люди.

А под небом гудело. Колокольные удары неслись в далёкое поле. Феде казалось, что они походят на быстрых, белых коней. Кони эти несутся по деревне, по полям, по лесам, скачут во все стороны, машут белыми гривами.

И всё отзывается на гулкий бег. Всё звенит, радостно ликует и кричит:

- Спасибо тебе, Федя, ты зазвонил!

«Надя, Надя, милая! Слышишь ли, Наденька?» — пело Федино сердце.

Федя почувствовал, будто кто-то невидимый, упругий щупает его со всех сторон, бегает по всему телу. Стало жутко и страшно.

- Родивон, Родивон! — хочет закричать Федя.

Разевает рот, кричит, а голоса не слышно.

Стало ещё страшнее. Куда пропал голос?

А невидимый всё щупает, бегает пальцами по телу, мягко толкает при каждом ударе колокола.

- Родивон!..

Ничего не слышно. Федя подходит к Родивону. Родивон ласково обнимает его свободной рукой, разевает рот. Что-то говорит, но тоже ничего не слышно. Улыбается.

Федя понял, что голоса нет от звона. Щупает и толкает тоже звон. Он подошёл к другому окошку и, счастливый, радостный, начал смотреть вниз.

Вместе со звоном тронулась и потекла река. Торжественно поплыли мимо церкви белые горы снега, тяжёлые льдины. Тянулись без конца и уносили с собой в ночную даль радостные звуки.

Бом, бом, бом!

Пела земля. Звонило небо. Скакали во все стороны мира белые кони, махали белыми гривами и радостно, звонко ржали:

Бом, бом, бом!

«Надя, милая! Слышишь ли?» — думал Федя.

VI

Тихо ждали полночи в городке, в доме Василия Игнатьевича. Сам он в очках читал какую-то книгу. А Надя примеряла новое платье, ходила по комнатам и наводила везде окончательный порядок. Сорвёт сухой листок с герани, поставит в ряд непослушный стул, обдёрнет занавеску... И всё думала о Феде.

К полночи прилегла на кровать и незаметно заснула.

Василий Игнатьевич читал молча книгу. Иногда усталые глаза поднимались поверх очков, переходили от книги на лик Богоматери, освещённый лампадой, и наполнялись тихими слезами.

Снова опускались на очки и медленно, вдумчиво ходили по чёрным строкам священной книги.

В кухне тоже тихо. Видно, и кухарка Агафья задремала в ожидании.

Спит на стуле кошка Мурка. Розовеет и улыбается во сне Надино личико.

Вдруг Надя вскочила и радостно закричала:

- Папа! Федя ударил! Я слышала...

В это время над городом гулко прокатился первый удар соборного колокола.

Бом-м-м!

- Федя раньше ударил, папа, — радостно кричит Надя. — Я слышала! Федя зазвонил!..

- Ну, успокойся, милая деточка, успокойся! Во сне это было, -- говорит Василий Игнатьевич.

- Нет, нет, папа! Не во сне! Я слышала, Федя ударил!

Пело и звонило Надино сердце. Шелестело новое платье. Проснулась Мурка и радостно мурлыкала около ног.

«Ударил, зазвонил! Бом!» — пело у Нади, всё тело становилось лёгким и готово было летать, летать.

Весело собирались в церковь.

VII

Родивон звонил. Потом трезвонил. Вокруг церкви ходили со свечами. Сверху казалось, что в огненном озере плавают тёмные люди и поют:

- Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесех...

Ангелы пели, летали вокруг колокольни, задевали крылышками за колокола. И колокола отвечали им звучным приветным шёпотом.

Шуршали льдины и плавно проходили между звонких берегов.

А белые кони, разметав гривы, всё ещё скакали по земле, и долго под небом раздавался затихающий гул копыт.

В церкви ярко горели свечи. Ласково смотрели на Федю светлые лики святых и людские глаза. Все любовно христосовались с ним и благодарно целовали.

- Христос воскресе, Федя! Спасибо тебе, ты зазвонил, ты разбудил.

Утром с великою любовью поднималось над воскресшей землёй солнце и долго радостно играло на горизонте.

И целую неделю пело Федино сердце. Ликовала, ласкала и благодарила вся природа. Поднималась выше и выше река и несла на своей спине белые кучи снега. Синело небо. Зеленела травка. Слетались птицы и весело кричали, щебетали, стрекотали, порхали в саду.

А Федино сердце радовалось. Он ударил, он разбудил всех.

* * *

С большим волнением подъезжал Федя в городе к Надиному дому. Слыхала ли Надя? Ждёт ли?

У калитки виднеется розовое платье. Надя. Увидела. Бежит, смеётся, кричит, машет руками:

- Федя, я слышала. Ты ударил...

Федя говорил с радостной гордостью и важностью:

- Да, я ударил!

А самому так и хочется на одной ноге запрыгать.

Остановилась лошадь. Надя вскочила в тарантас.

- Христос воскресе, Федя... Я слышала! В самую полночь ты зазвонил: бом!

Радостно звонили оба маленьких сердца одинаковым звоном.

Пасхальная фиалка

Вот и наступила очередная весна, знаменующая собой не простую смену времен года, а смену лет, бегущих все стремительнее и быстрее вперед, в будущее. Это будущее, кажущееся таким далеким и неизвестным, однако, перестает быть таковым для девочки Марины, ведь в ее семье начало каждого года привыкли связывать с Великим праздником Святой Пасхи. Меняется время, ветшают здания, вырастают до небес березы, но сохраняется неизменной пасхальная служба, дарящая чистую радость душе.

Мама Марины всегда очень щепетильно относилась к тому, чтобы дом был украшен - кристальная чистота окон, хрустящая белизна скатертей, свежесть салфеток и, конечно же, цветы из бабушкиной оранжереи. Чудесные фиалки, будто повторяющие яркую палитру художника. Мохнатые лиловые, махровые розовые, глубокие фиолетовые, нежные белые цветы выходят перед Пасхой из бабушкиного садоводческого дворца и начинают жить на каждом столике, подоконнике, полочке, превращая дом в цветник, ждущий радостного звона благовеста «Христос воскресе!».

Для бабушки выращивание фиалок было приятным хобби, она в нем прекрасно преуспела и со временем стала настоящим мастером. Ее маленькие керамические горшочки обыкновенно зацветали, как по взмаху волшебной палочки, несколько раз в год. А перед пасхальными днями, будто чувствуя приближение всеобщей православной радости, раскрывались всем большим оранжерейным семейством. Иногда к ним присоединялись нежные орхидеи, дополняющие этот каскад цвета.

Марина любила помогать бабушке ухаживать за зелеными детками, как их ласково называла Мария Сергеевна. Эта работа требовала от нее большой ответственности, мобилизовала обычную рассеянность и делала девочку хоть и на время, но более сосредоточенной. Трепетное отношение бабушки Марии Сергеевны к фиалкам взращивало в каждом домочадце стремление стать хорошим ухаживающим за ними, чтобы и цветы чувствовали благодарность людей за подаренную ими красоту созерцания.

Бабушка всегда говорила: «Христос воскрес в чудесный день, и мир тогда, я уверена, цвел! Так пусть и в наш дом Он заглянет и увидит, что ему здесь рады!» Поэтому весь дом в процессе большой подготовки, в которой не бывало второстепенных моментов, к пасхальному воскресенью представал во всей свой живой красоте.

До Пасхи еще оставалось две недели, когда Марина в очередной раз пришла в оранжерею по поручению Марии Сергеевны, чтобы полить цветы. Захватив с собой ведро с водой и лейку с

длинным носиком, она осторожно открыла дверь. Фиалки поприветствовали ее чудесным ароматом, уловить который возможно было только тогда, когда горшочков было очень много. Некоторые бутоны уже распустились, но были и те, что еще дремали в ожидании весенних солнечных лучей. Обычно бабушка подписывала каждый горшочек, но в связи с пересадкой и перестановкой подставок, переменой всего выставочного пространства многие цветы оказались без своих названий.

Марина поставила живительную воду в центр оранжереи и уже было принялась наполнять лейку, как вспомнила, что не взяла со стола пакетики с удобрением. Малышки-фиалки нуждались в особой подпитке после зимнего периода покоя. Обычно вот такие, стремительно возникающие мысли в голове Марины давали ей сигнал действовать сразу, но с годами, девочка подавила в себе эту спешку, часто приводившую к разным казусам. «Надо сбегать за удобрением. Я сразу вернусь и все успею сделать до прихода бабушки», - подумала Марина. Поспешив отодвинуть ведро, она не обратила внимание, как вода немного расплескалась на пол, и в следующую секунду Марина, попытавшись ускорить шаг, с шумом упала на скользкий пол, задев рукой рядом стоящую подставку. Горшок с малюткой-фиалкой упал с метровой высоты и разбился на несколько обломков, земля рассыпалась.

В голове Марины первой мелькнула мысль: «Спрятать все, чтобы бабушка не заметила, ведь она очень огорчится!». Молниеносно Марина стала убирать следы происшествия. Но уже через минуту, собрав осколки, комочки земли, сам цветок, мысль потекла в другом направлении. «Я исправлю свою оплошность и выращу цветок. К пасхальному воскресенью незаметно верну малютку в оранжерею».

Только вот от бабушки нужно скрыть это событие, ведь она очень расстроится, узнав об этом. И внучка, аккуратно вернув цветок в другой пластмассовый горшочек, унесла его в свою комнату.

До Пасхи не один цветок не появлялся в доме, такова была традиция семьи, поэтому скрывать все происшедшее нужно было и от мамы с папой, и от любопытного брата Андрея. Что ж, придется стать осторожной.

Пересаживая фиалку, Марина увидела, что корневище не повреждено, но от падения могло случиться всякое, поэтому за цветком нужен был хороший досмотр, также предстояло купить керамический горшочек, аналогичный тому, который оказался разбит. У девочки были некоторые сбережения, но предстояло еще скопить нужную сумму из карманных денег. Четко представив в голове план по сокрытию следов происшествия и, обретя уверенность, что маленькая фиалка обязательно зацветет к Пасхе, Марина ушла гулять во двор.

Заметила ли бабушка пропажу? Так как Мария Сергеевна не проявила внешнего негодования и оставалась спокойной, внучка решила, что все в порядке. Она и не подумала о всегда присущем ее бабушке природном чувстве такта, благодаря которому Мария Сергеевна никогда никого не обвиняла, а давала возможность признаться во всем самому. Так вышло и на этот раз.

Марина не догадывалась, что неподписанный цветок окажется тем редким пятнистым видом, который еще ни разу не украшал их дом. Именно этот цветок вырос из листочка, купленного на выставке фиалок прошлой осенью, некий «Playful rainbow» из сорта фантазийных фиалок. Такой искренне желанный бабушкой для своего маленького сада.

Шли дни, приближавшие Праздник. Благодаря нежному уходу, умеренному поливу и щепоточке удобрений, а также особой заботе, которую проявляла Марина к своему зеленому

другу, фиалка набирала цвет. Прочитав все правила ухода за растениями-фиалками, девочка даже включала цветку классическую музыку, по теории, благотворно влияющую на рост, разговаривала с ним, обращалась каждое утро с молитвой даровать полное выздоровление малютке-фиалке. Поместив горшочек на окно за штору, Марина каждый день наблюдала, чтобы солнечные лучи достаточно обогревали стебли и листья, искренне надеясь, что и набухшие крошечные бутоны вот-вот распустятся.

Пасхальное воскресенье подходило к своему кануну. Прошло Вербное воскресенье, подарившее чудесную прелесть пушистых верб, Великий Четверг, приближалась Суббота. Вся семья готовилась к исповеди. Марину по исполнении 7 лет родители приводили на Таинство исповеди. Сказать священнику о самом сокровенном, о том, что тревожит душу, о грехах, не дающих спать, чтобы очиститься и предстать в день Пасхи перед Христом во всей душевной чистоте было очень важно для каждого члена их семьи. Обычно Марина говорила быстро, упоминала о непослушании родителям, о некоторых сокрытых от них вещах. Но в этот раз ей предстояло сознаться в том, что не рассказала бабушке о пропаже фиалки. «Ну и что тут такого, - рассуждала накануне Марина, - я же ничего плохого не сделала, фиалка будет возвращена на место, значит, я никого не обманывала, а лишь исправила ситуацию сама, без помощи других». Девочка совсем забыла, окрыленная своими успехами в цветоводстве, что бабушка давно искала этот вид, посетив в его поисках не одну выставку за много лет. Поэтому, когда пришла ее очередь каяться, она до последнего момента не хотела об этом говорить.

Теплый свет проникал сквозь церковные оконца, заполняя храм лучами солнца, с икон смотрели святые, свидетели праздничных и повседневных богослужений и людских очищений, перерождений и искуплений грехов. Подойдя к иконе Святителя Николая, Марина впервые обратила внимание на его взгляд, строгий, живой, проникающий в душу и, будто, говорящий: «Будь честен перед Богом». Поставив свечу перед его образом, девочка встала в конец очереди тех, кто готовился исповедаться. Надеясь быть последней, она несколько раз репетировала речь.

Вереница прихожан медленно таяла, приближая ее к батюшке. Накрыв голову девочки епитрахилью, священник по-отечески спросил, в чем раскаивается раба Божия Марина, и девочка, будто лишилась на мгновение дара речи. Общение с батюшкой всегда было для нее откровением. Он никогда ее не журил и не вытягивал признания, не увещевал, не обвинял в грехах, он всего лишь спрашивал, положа свою теплую успокаивающую руку ей на голову. Осознание греха само проникало в душу Марины и прорывалось наружу чистыми слезами. Марина рассказала обо всем: и как разбила горшок и не сказала об этом бабушке, и как не считала этот обман обманом, и как искренне желает, чтобы фиалка расцвела к Празднику Пасхи Христовой. Батюшка отпустил ее грехи, прочитал молитву, подарив душе девочки полное спокойствие.

Приняв ситуацию, что возможно, бутоны завтра и вовсе не раскроются, Марина решила рассказать свою тайну бабашке и утром вернуть ее горшочек в оранжерею. Пересадив малютку-фиалку, девочка решила оставить горшочек на тумбочке у кровати и больше не прятать его от посторонних глаз. Помолившись, она заснула крепким сном.

Пасхальное утро было ясным, теплое апрельское солнце разлилось по всей земле, предвещая хороший день. В открытое окно Марининой спальни прекрасной музыкой ворвались птичьи трели, лучик нежно погладил ее по лицу. Сквозь сон девочка почувствовала, что рядом кто-то есть. Это бабушка традиционно принесла цветы и красивые салфетки, чтобы украсить ее комнату.

«Христос Воскресе!» - «Воистину воскресе!» - ответила внучка, и тут слезы покаяния хлынули

из ее глаз.

«Бабушка, это я разбила горшочек в оранжерее», - созналась Марина.

«Я знаю это, и вижу также то, что ты познала не хуже меня все секреты цветоводства», - сказала Мария Сергеевна, указывая на распустившуюся пятнистую фиалку на прикроватной тумбочке внучки. «Только подлинная забота и небезразличие способны уговорить этот сорт фиалок зацвести так рано. Я ожидала ее цветения не раньше прихода лета».

Марина вытерла слезы и крепко обняла бабушку, поблагодарив ее за лучшую в мире похвалу, и мысленно вспомнив образ Святителя Николая, улыбнулась. «Будь честен перед Богом», - всплыли как будто произнесенные им в церкви слова.